

Саша Токсик

Стоп. Снято!
ФОТОГРАФ СССР
ТОМ 2

Саша Токсик
Стоп. Снято!
Фотограф СССР. Том 2
Серия «Фотограф СССР», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69618649

Стоп. Снято! Фотограф СССР. Том 2:

Аннотация

Из гламурных двухтысячных в солнечный 1978-й. Из глянцевого журнала в сельскую районку. Надои... Покосы... Доски почета... Но хороший фотограф нигде не пропадет. "Зиночка, хотите сняться в стиле "ню"? Не знаете, что это?! Садитесь поближе, я сейчас расскажу!"

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	32
Глава 4	46
Глава 5	59
Глава 6	72
Глава 7	89
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Саша Токсик

Стоп. Снято!

Фотограф СССР

Том 2

Глава 1

На фото всё было правильно. Доярка и корова. Ничего лишнего, и тем более сомнительного. Вот только вид они имели неподобающий для серьёзного печатного органа. Рупора райкома КПСС Берёзовского района. И, тем более, для его первой страницы.

Василиса доверчиво тыкалась большой рогатой мордой доярке в щеку. Агриппина улыбалась. Улыбка, чуть смущённая и счастливая преображала её простое лицо. На щеках появились лукавые ямочки. В уголках глаз наметились морщинки, которые появляются у людей, которые часто и охотно смеются.

Один снимок рассказывал об Агриппине больше, чем несколько страниц автобиографии. Но по мнению товарища Комарова в жёсткие рамки советской прессы такой образ не укладывался.

Не понимаю я товарища Комарова. Конечно, поорать на безответных сотрудников милое дело для чиновника любой эпохи. Тем более что своим криком руководитель проводит между собой и подчинёнными чёткую грань: "я не с вами, вы накосячили – вам и разгребать". Это даже не гнев, а защитная реакция.

Но в глазах "ответственного сотрудника" явно светится злорадство. В данном антураже совершенно неуместное.

Это даже не родственное: "а я тебе говорила" с которым матери льют зелёнку на разбитые коленки своих чад, торжествуя и сочувствуя разом.

Ведь ясно, что если влетит, то и ему в первую очередь. Но что-то такое есть, из за чего скандал вокруг газеты греет его жалкую душонку.

Может, он тоже влюблён в Подосинкину и своим диктатом хочет сломить её ранимую натуру?

А что? Повесить её над административной пропастью за очередной "залёт". Потом показательно спасти, обогреть, приласкать... Действует безотказно. На себе недавно ощутил её благодарность.

Присматриваюсь к Комарову. На Ромео он не тянет. Хотя в таких непрезентабельных омутах водятся самые жирные черти.

Про личную жизнь его я ничего не знаю. Тут нет соцсетей, которые в минуту вывалят всю подноготную.

Может у него дом полная чаша и семеро по лавкам. А, мо-

жет, женат на карьере и коротаёт одинокие вечера в обнимку с партбилетом и в мечтах о должностях и регалиях.

В голове всплывает товарищ Сатанеев из "Чародеев". Похож? Если волосики на лысину зализать, то похож.

–.. у аппарата, – весоמו говорит Комаров.

В глазах торжество.

– В курсе... Альберт Ветров постарался, вы слышали про него... Стажёр... При преступном попустительстве... Принимаем меры... Сделаем организационные выводы...

Он замолкает, взгляд становится злым.

– Ветрова прислать? – уточняет Комаров. – Его самого не нужно? Понял, Эдуард Ашотович, будет исполнено, – он быстро кивает, словно на другом конце провода увидят его рвение. – Завтра всё будет у вас...

Он ещё какое-то время прислушивается, а потом аккуратно кладёт трубку.

В кабине повисает тишина. Слышно, как в коридоре кто-то сопит. Судя по тембру, кто-то внушительный. Нинель или мужчина с эскобаровскими усами.

– Над вами всё "Знамя Ильича" смеялось, – трагически восклицает он. – Всей редакцией.

– И? – выдерживаю его взгляд. Разговор этим явно не ограничился.

– Статью берут в "Ленинец", кривится Комаров. – Человеческая история им понадобилась. Так что... доработайте свой материал. Добавьте в него... живости там, душевности.

– И фото берут? – уточняю

– Его тоже, – на лице Комарова искренне недоумение, – занесёшь мне в кабинет плёнки свои... негативы... я их в область отправлю.

– Там плёнки не нужны... – пытаюсь объяснить, что контраст я вытягивал на печати и лучше подойдет готовая фотография.

Мои слова летят ему в спину. Комаров выходит не слушая. Из коридора слышен возмущённый писк Нинели и шипение "ответственного работника". Он с ходу врезался в живую пробку, которую образовали в коридоре любопытные сотрудники.

– Так это, получается, хорошо? – удивлённо говорит Уколов. – В "Ленинец" материал забрали. Не каждый месяц такая удача! Чего он взбеленился?!

"Ленинец" – это серьёзно. Пухлое еженедельное приложение к областной газете. В той же убогой двухцветной полиграфии, но уменьшенном, почти журнальном формате. На моей памяти он переживал упадок. Скатился в джинсу и заказуху, прежде чем сдохнуть, уступив дорогу глянцу.

Ваграмян его потом и задушит. А потом удачно приватизирует в свою пользу всё, что останется.

Зато сейчас, при полном отсутствии конкуренции, "Знамя Ильича" и "Ленинец" находятся на вершине пищевой цепочки. Вот и забирают из районок "сливки".

Никто не в обиде. Уколыч радуется. Наверно, ему гонорар

заплатят. Интересно, перепадёт ли что-нибудь стажёру?

– Не знаю, что ему нужно, – устало машет ладошкой Подосинкина.

Эмоциональная встряска оставила редакторшу без сил. Тут же этим пользуюсь.

– Алик, ты куда?

– Плёнки относить, Марина Викторовна, – отвечаю, – слышали, что товарищ Комаров сказал.

Никакие плёнки я никуда, конечно, не несу. Он требовал "сегодня", а до вечера ещё далеко.

То, что фото взяли в "Ленинец" радует по двум причинам. С одной стороны – это престиж. Стажёр, в профессии без году неделя и печатается на всю область.

Тут же понимаю, что это чистая везуха. И повторится она, скорее всего, нескоро. Значит, строить серьёзные планы на основе подобных успехов не стоит.

Вторая причина весомее. Мой подход находит отклик. Навивная и человечная фотография понравилась кому-то из начальства, и сама пробилась себе дорогу. Уверен, что на пути встретится ещё немало идиотов с собственным драгоценным мнением. Но радует, что ситуация в принципе не безнадёжна.

С этими мыслями завожу мопед и направляюсь в Кадышев. Людмила Прокофьевна не иначе как заждалась моего визита.

Богиня сельской торговли, как обычно, восседает в своей

каморке без окон. Одной рукой она артистично препарирует стопу бумаг. Пальцы второй порхают над массивным агрегатом. Сначала мне кажется, что это какой-то древний ноутбук. Я даже на всякий случай глаза протираю, дабы избежать ошибки.

Нет, это всего лишь калькулятор. Цифры загадочно мигают зелёным. Кнопки сыто щёлкают. Но по сравнению с виденными в этом кабинете, это – верх прогресса. И более того скажу, ещё и пижонство.

– Подожди пять минут, – без всякого "здрости" заявляет мне заведующая.

Киваю в ответ и устраиваюсь на стуле. Хуже нет, чем человека с мысли сбивать. В кабинете разглядывать особо нечего. Полки забитые папками. На стене несколько грамот и один вымпел. За спиной двухъярусный сейф, или точнее "несгораемый шкаф". На сейф это слегка облупившееся сооружение не тянет.

Хозяйка помещения с обстановкой резко контрастирует. На ней снова костюм, на этот раз темно-синий. Вместо брюк узкая юбка-карандаш, которая сидит безупречно. Макияж хоть и грешит модной синевой на веках, но не режет глаз. На шее сразу несколько золотых цепочек разной длины и толщины. На самой длинной висит кулон в виде ключика. Кулон игриво притягивает внимание к пиджачному вырезу.

Людмила Прокофьевна весьма хороша собой, и знает себе цену. Кажется, она замечает мой взгляд, но не обращает на

него внимания.

Это редкость. Женщины всегда чувствуют, когда за ними наблюдают. Но реагируют по-разному. Одни начинают двигаться кокетливее, словно напоказ. Выставляют зрителю улучшенную версию себя.

Другие нервничают, дёргаются, начинают стесняться и ошибаться после чего, либо уходят, либо дают наблюдателю втык.

А у заведующей полный дзен.

– У вас что, бухгалтера нет? – спрашиваю, когда стопка бумаг заканчивается. – Или кто там этим должен заниматься по штату? Вряд ли вы.

– Деньги счет любят, – сердито говорит она, как будто в этот раз чего-то недосчиталась, – ты чего пришёл?

В интонации читается "припёрся", но она сглаживает углы. Не верю, что она не помнит о нашей договорённости. Просто решила показать характер.

– Вот, – кладу перед ней шоколадку "Цирк".

– Подкупить меня решил? – фыркает заведующая, но с любопытством.

– Беспokoюсь я о вас, Людмила Прокофьевна, – говорю, – Бри... то есть передовые учёные выяснили, что от сидения в тёмном помещении без естественного света у человека уходит радость. А шоколад содержит тот самый гормон радости, который в вашей ситуации просто необходим.

Заведующая смотрит на плитку и заливается смехом.

– Едва ли её хватит, чтобы вернуть мне радость – убиравая слёзы платочком, так чтобы не размазать тушь, говорит она, – но за попытку спасибо.

– Я ещё привезу, – киваю с серьёзным лицом, – мне нетрудно.

– Кофе будешь? – примирительным тоном говорит заведующая.

Она раскрывает сейф и достаёт настоящую ценность. Банку растворимого бразильского "Пеле". Честь мне оказана немалая, поэтому соглашаюсь.

Людмила Прокофьевна наклоняется к чайнику, а моё сердце предательски ухает вниз. Вижу её обтянутую юбкой попу и думать ни о чём не могу. Фигура у неё куда сочнее, чем у тощей редакторши. Зрелая, основательная.

Надо срочно что-то решать с этим спермотоксикозом. Скоро на людей кидаться начну. Главное, столько барышень кругом, и с каждой возможна своя засада.

– Вы насчёт книжных узнали? – спрашиваю пока нагревается чайник.

Процесс это не быстрый. До технологий мгновенного кипячения ещё десятилетия.

– Узнала, – кивает заведующая. – Вот держи список.

Она передаёт мне тетрадный лист, исписанный аккуратным ровным почерком. На нём указана пара ближайших райцентров и десятков крупных сёл с паролями и явками. То есть с адресами и названиями магазинов.

– Ты что, библиотеку собираешь?

– Да, – киваю, – люблю книги, источник знаний.

– А у меня не купишь? – неожиданно говорит заведующая, – а то завалились... Все полки дома заняты. Даже ставить некуда.

Она открывает ящик стола и выкладывает передо мной уже знакомые тома Ефремова и Блока. И смотрит с любопытством. Значит, книжный по соседству уже посетила, и про меня ей рассказали.

– И сколько хотите за них, – спрашиваю.

Заведующая с улыбкой называет цену в три магазинных.

– А в магазине я уже их не найду? – уточняю.

– Попробуй, – она снова кивает и улыбается.

– Блока возьму, очень уж я серебряный век уважаю, – соглашаюсь, – а вот Ефремова только по себестоимости. И то исключительно из уважения к вам.

– Не нравится фантастика?

– Просто уже читал.

– Сколько заберёшь? – уже по делу интересуется она.

– Блока пару экземпляров, – прикидываю я свои возможности. – Ефремова лучше в другой раз. Или, максимум, одну книжку. Больше денег нет.

– Я могу тебе одолжить, – ласково предлагает она. – Заберёшь сейчас, отдашь потом.

– Спасибо, Людмила Прокофьевна, но я не готов так рисковать, – поясняю. – Случись чего, я с вами не расплачусь.

Так что лучше медленнее, но надёжнее.

– Хорошо, – неожиданно легко соглашается она. – И учти, я...

– Никогда их в жизни не видели, – продолжаю вместо неё, – Не волнуйтесь, дальше меня это не уйдёт.

Заведующая погружается в мысли. Пока она насыпает кофе и разливает кипяток по чашкам, не произносит ни слова.

– Интересный ты человек, Альберт Ветров, – говорит она, – сам ходишь чёрти в чём. Я бы в таком в огород, курей кормить не вышла. А рассуждаешь о деньгах. О больших деньгах.

– Я фотограф, – говорю со всей искренностью, – мне аппаратура нужна. Она очень дорогая. Я на неё если заработаю, то к старости. А мне сейчас нужно.

Взгляд у заведующей смягчается. Мой аргумент кажется ей весомым. Если понимаешь другого человека, с ним легче сотрудничать.

– Ты мне фотографии обещал, – меняет она тему, – опять зажал?

– Ни в коем случае, – достаю из рюкзака папку и выкладываю перед заведующей фотографии Лиды.

Одну за другой. Сверху, как козырным тузом, накрываю стопку фотографией в купальнике на причале. Работница торговли залипает. Не зря Подосинкина в бутылку полезла. Фото получилось не только красивым, но и очень чувственным.

Оно притягивало взгляд. Оно будоражило. И если в мужчинах оно вызывало понятные чувства, то в женщинах, скорее всего, ревность. Чем заслужила эта мелкая соплюшка, чтобы её ТАК сняли?

– Эффектно, – кивает наконец заведующая. – Ты не врал, у тебя действительно талант.

– Тогда можно еще одну просьбу?

– Ну ка?

– Никто из ваших знакомых свадьбу играть не собирается?

– Зачем тебе?

– Хочу предложить себя в качестве свадебного фотографа.

Она прикидывает что-то в голове.

– Фото оставишь, чтобы я показать могла?

– Да, пожалуйста!

– И сколько ты хочешь? – заведующая готова торговаться.

– Бесплатно.

– Скооолько?!

Кажется, я наконец, сумел её удивить.

– Безвозмездно. То есть даром, – повторяю я.

– А тебе зачем? Водки хочешь выпить на халяву? – её губы презрительно кривятся.

– Я не пью на работе, – терпеливо объясняю. – Я знаю себе цену. Пока она – никакая. Даже ниже, чем ноль. Потому что люди могут пригласить незнакомого фотографа и остаться

совсем без снимков. Они рискуют. Поэтому мне нужна репутация. Нужно, чтобы обо мне узнали. Быстро, только кошки родятся.

– Хорошо, я поспрашиваю, – на лице Людмилы Прокофьевны уже нескрываемое удивление. – И ещё. Может, тебе нужно чего? Помочь? Достать?

Неужели у неё совесть проснулась, после того как она меня с книжками кинула? Или это снова корысть? Узнать, что я попрошу и использовать в своих целях?

– Есть одно...

– Так ты не стесняйся!

– Можете достать мне пепси-колу?

* * *

Почему я позволил так нагло кинуть меня с книгами? Я не считал их серьёзным источником дохода. "Хапнуть" первоначальный капитал, чтобы купить аппаратуру и одеться приличнее. Не более.

Слишком велик риск зарваться и влететь по-крупному. Два пацана на мопеде быстро примелькаются в районе. Пойдут слухи. Проснётся любопытство. А в СССР есть органы, у которых любопытство, – это главная профессиональная черта. "Если кто-то, кое-где у нас порой, честно жить не хочет".

Участие ловкой заведующей даёт этой схеме ещё какое-то время продержаться. Меньше прибыль, выше надёжность. А

потом можно и вовсе "соскочить", замкнув их напрямую с городским книголюбом. Так что тёзка знаменитой "мымры" еще и услугу мне оказала.

К Комарову я прихожу под самый конец рабочего дня

– Принёс? – спрашивает он с порога.

– Да, вот, – я выкладываю перед ним рулон с плёнкой и специально отпечатанное фото, – передайте, пускай они лучше готовый снимок возьмут. Там контраст выше...

– Передам, – Комаров не спорит и кажется мне озадаченным, – слушай, Ветров, – говорит он, – ты завтра принеси мне негативы своих прежних фотографий... ну, тех, что с "комсомолкой".

– Зачем? – искренне удивляюсь я, – если нужно, я ещё сделаю.

– Что за моду взял со мной спорить?! – неожиданно взрывается он, – Сказано, негативы неси, а зачем – не твоего ума дело. Серьёзные люди тобой заинтересовались, – также неожиданно успокаивается он, – может, на выставку твои работы отправят. А это для всего района почёт! Смекаешь?! Ты теперь не парень с улицы. В газете работаешь. Должен думать о престиже своего печатного органа и трудового коллектива.

– Принесу, – буркаю я.

Комаров светлеет лицом и даже прощается по-человечески. Вариант с выставкой звучит заманчиво. Но всем своим жизненным опытом я чувствую. От предложения Комарова

отчётливо воняет дерьмом.

Я засыпаю, катая в голове каждое нашей беседы и пытаюсь понять в чём подвох. Кому могли понадобиться мои съёмки и зачем? Но скоро все эти мысли заслоняет попа Людмилы Прокофьевны.

Срочно нужно кого-то себе найти. В юношеском теле с бушующими гормонами со своим взрослым и циничным сознанием я больше в добровольном монашестве не протяну.

А наутро эта проблема решилась сама собой. К нам в деревню белых женщин подвезли.

Глава 2

Известие сообщает мне Женька. Его при этом аж распирает от нетерпения.

– Студентки приехали, – выпаливает он с порога.

– Какие студентки? – удивляюсь.

Моя голова забита сейчас другим. Шоколад шоколадом, но отдавать поляну без боя нахальной Прокофьевне я не собираюсь. Для этого и прихожу к Женьке на следующее утро сразу после пробежки. Но сбить его с темы невозможно. Приходится слушать.

– Практикантки, – тарашит он глаза, – на раскопки, ты чё, забыл?!

Понимаю, что "Штирлиц близок к провалу". Очевидно, такое событие никак не могло сгладиться из моей памяти.

Я не первый раз ловлю на себе удивлённый Женькин взгляд. Мои новые поступки далеко не всегда укладываются в характер прежнего Алика Ветрова.

Многое списывает инерция сознания. Намного легче поверить, что твой знакомый зазнался, "словил звезду", начался странных книжек или повёлся не с теми людьми. Выражение "как подменили" мало кто понимает буквально.

На дворе не средневековье. В одержимость бесами никто не верит. К тем немногим, кто верит, особо не прислушиваются. Атеизм на дворе.

Тем более что перемены во мне приходится Женьке по душе. Авантюрная натура приятеля с восторгом одобряет любой кипеш. Так что все сомнения растворяются в новых впечатлениях.

А после обретения мопеда, новой работы и фотосессии со стервой Лидкой, которая меня слушалась как паинька, я пользуюсь у Женьки неограниченным кредитом доверия.

– Не до них сейчас, – говорю максимально уклончиво.

Нужный эффект достигнут. Женька краснеет от волнения и взхлёб объясняет ситуацию.

Несколько лет назад недалеко от Берёзова археологи нашли стоянку древних людей. Каких именно и насколько древних – Женька не знал. Его интересовали исключительно наши современники. Точнее, современницы.

Каждое лето в небольшом перелеске за рекой начинались раскопки. Туда приезжали на практику студенты-историки областного универа. Если верить другу, по большей части женского пола. Как говорится, все стареют, кроме второкурсниц.

В нашей области где ни копни, наткнёшься на каких-нибудь сарматов, абашевцев и прочих протославян. Я уверен, что археологи выбирают место для раскопок, ориентируясь не на ценность находок, а на близость леса, речки и источника самогона. Наш райцентр в этом плане подходил идеально. Тишь и гладь.

– Пошли позырим на них! – притопывает на месте Жень-

ка.

– Зачем?! – изумляюсь.

– Ты чё?! – не понимает он, – городские же.

По мнению Женьки, городские девушки созданы нам, парням, на погибель. Они носят узкие джинсы и короткие шорты. Они бесстыдно раздеваются на жаре до купальников. Они кокетливо хихикают и стреляют глазами. словно сердцеедка Лидка на максималках. Только их ещё и много.

Практиканток всегда сопровождает несколько старшекурсников. Они хранят наивных дев от назойливого внимания местных. Прецеденты были, но черенки от штыковых лопат оказались весомым аргументом. Теперь принцип "смотреть можно, трогать нельзя" крепко вбит в головы Берёзовским ловеласам.

Раскопки стали бесплатным цирком для всего пубертатного населения Берёзова. В этом они превосходят даже стоянку поезда Адлер-Гомель.

– Зырить зачем? – говорю, – знакомиться надо.

Да нуу... – разочарованно тянет мой приятель, – они студентки же.

– Не вешай нос, Жендос! – хлопаю его по плечу, – мы ведь для них аборигены.

– Что ты гонишь! – возмущается Женька, – аборигены в Африке.

– "Абориген", это местный житель! – объясняю, – женщины падки на экзотику.

Женька нифига не понимает, но вдохновляется.

– Сейчас пойдём? – с готовностью предлагает он.

– Позже, – сдерживаю его, – сейчас у нас другое дело. У тебя деньги есть?

– Есть, – честно кивает Женька. – Пятнадцать рублей. Я на джинсы коплю. На "фирму".

Коротко объясняю ему ситуацию с книгами. Коммерческая жилка в Женьке Ковалёве сильна. В моём будущем он нырнёт в бизнес, как только откроют первые кооперативы. Со временем откормится там в настоящую акулу. Так что мою мысль он ловит с полуслова.

– Я по знакомым пробегу, – говорит он, – занять попробую. А ты пиши список, что брать.

Через час Женька стартует на мопеде. У него список магазинов, которые отдала мне заведующая и семьдесят два рубля денег. Всё, что мы сумели набрать методом "быстрого чёса".

Мы с приятелем решаем собрать "сливки" с книжных сельмагов, прежде чем до них добрались лапки "гламурной мымы". Так я про себя начал называть Людмилу Прокофьевну.

Пока она понятия не имеет, какие книги брать. В этот раз просто собезьянничала, повторив мою покупку. Но у неё есть связи и знакомства. Нащупав непыльный источник заработка, она его уже не отпустит.

Торговцы в моём понимании, это особая категория людей.

Они мыслят прибылями. Они что угодно продадут, потом купят и снова продадут, но уже дороже. Нельзя на них за это обижаться. Они просто такие есть. Главное, самому в их глазах не оказаться товаром.

В будущем собираюсь перекинуть эту тему полностью на Женьку. Я фотограф, а не барыга. У того от азарта аж веснушки побелели. Сегодня будет летать от магазина к магазину как медовая пчёлка.

Тем временем я иду приобщаться к науке.

* * *

Лагерь археологов спит. На боках палаток блестит роса. К чахлону костру тоскливо жмутся дежурные. На длинном дощатом столе под брезентовым тентом видны остатки праздника. Кружки, стаканы и подозрительно знакомая ёмкость, объёмом в три литра.

Дело ясное. До утра изгиб гитары жёлтой обнимали. Сразу видно, выучка не селянская. Я начинаю привыкать, что в восемь утра день уже перевалил в фазу деловой активности. А эти дрыхнут.

Дежурные поднимают голову. Приветливо машу им и поднимаю фотоаппарат. Щёлк! Они выдавливают из себя кислые улыбки. Отхожу чуть дальше, чтобы захватить весь лагерь. Щёлк!

Главное вид при этом сохранять максимально невозмутит-

мый. Если фотографирую, значит, так надо. Положено, значит.

Палатка рядом со мной начинает шевелиться и из неё высовывается коротко стриженная голова. Не пойму, мальчик или девочка?

Голова поднимает ко мне заспанную мордашку. Вскидываю камеру. Щелкаю.

– Ой, вы кто?!

Девочка. И очень симпатичная. Блондинка со стрижкой "под мальчика", строгим прямым носиком и пухлыми губами. Бомбическое сочетание. Вид милый и помятый. На щеке отпечатались контуры рюкзачного кармана.

– Альберт Ветров, корреспондент районной газеты, – представляюсь по всей форме, – делаю репортаж о раскопках. А вы кто?

– Надя... ой! – девушка вдруг резко прячется.

– Надя, я не кусаюсь, – говорю терпеливо.

– Я сейчас, – раздаётся из палатки.

Изнутри слышится возня и громкий шёпот.

... Кто там?!.. фотограф... молодой?.. вроде да!.. вроде?.. да я не разглядела... дура ты, Надька... симпатичный? да я его не видела толком!

Надя появляется вновь. За эти две минуты она успела привести в порядок волосы и подкрасить реснички.

– Здравствуйте, Альберт, – она прикусывает губку от любопытства, – А почему вы так рано? Мы на раскопки только

после обеда пойдём... И почему не предупредили... мы бы подготовились...

Надя засыпает меня словами. Пытается перехватить инициативу в разговоре и вернуть себе уверенность. На ней белая спортивная маечка с короткими рукавами и голубые шорты. Длиннее, чем позволяли себе модницы двадцать первого века, но тоже очень эффектные.

– Не надо готовиться, – говорю, – я за естественную красоту. Что естественно, то не безобразно.

– Как вы это хорошо сказали! – из палатки выныривает ещё одна девушка. Жгучие тёмные локоны. Спортивная фигура. Почти с меня ростом. – Юлия, – протягивает она ладошку.

– Альберт, – с серьёзным видом отвечаю на рукопожатие, – и это не я сказал, а Сенека. Римский философ. Не проходили ещё?

– Мы пока больше по славянам и древней Руси, – морщит носик Надя, – "Лепо ли бяшите братие..."

Юля фыркает от смеха.

– Что копаете? – интересуюсь.

В дни юности я достаточно покатался по раскопкам, чтобы поддержать разговор. Это прекрасный способ выпить на природе. Приятели-историки оборудовали себе на государственные средства загородные берлоги и не вылезали оттуда месяцами. У одного даже ледник был. По технологии шестнадцатого века. Про полевые бани я вообще молчу.

– Мезолит, – к нам присоединяется третья студентка. – У неё русая коса и немного простодушное округлое личико.

– Скука, – вздыхает Юля.

– Не скажи, – спорит с ней третья, – вчера Ленка трапецию нашла, так ей одной банку сгущёнки выдали! В одно лицо!

Судя по тону девушки, лицо у Ленки после такого непременно должно треснуть.

Сгущёнка – третья по значимости валюта советской эпохи после водки и колбасы. Особое хождение имеет среди туристов, геологов и прочего бродячего народа. Заветные синие баночки даже в нищие 90-е можно было найти на турбазах. А ещё её можно варить...

Страдания третьей девушки по сгущёнке понятны. Фигура выдаёт в ней сладкоежку. Она не толстая, но пухлая в нужных местах, а грудь просто роскошна. Для местных была бы идеалом красоты. Берёзовская Венера.

В этот момент вспоминаю Женьку. Ему бы понравилась.

– А вас как зовут? – обращаюсь к ней.

– Татьяна, – та слегка краснеет

Лагерь просыпается. Из большой шатровой палатки тянутся на водопой сутулые хмурые фигуры старшекурсников. Один, привлечённый шумом, сворачивает в нашу сторону.

– Посторонний? – оглядывает он меня, – кто такой.

Старшаку тяжко. Глаза у него красные, волосы всклокоченные. На тощей шее подпрыгивает кадык. Пивка бы ему сейчас. Смотрит недружелюбно. У него есть надежда сорвать

всю свою похмельную боль на ком-то конкретном. Но я уже обзавёлся лояльным лобби.

– Серёж, это корреспондент! Из газеты! – повисает на нём Юля, не стесняясь тесного физического контакта.

– Не корреспондент, а фотограф, – встречается Надя, недовольная, что её опередили. Она, вообще-то, меня первая встретила.

– Серёж, а может его чаем напоить?! – предлагает заботливая Татьяна.

Серёжа морщится оттого, что его встряхивают. Его явно мутит.

– Дежурным скажите, – мотает он головой, – пусть напоят и накормят. Завтракать будешь? У нас оладушки. – Он протягивает мне ладонь, – Серый!

– Алик! – я принимаю правила игры и представляюсь неформально. – От оладушков не откажусь.

– К Николаичу его проводите потом, – говорит Серый и теряет к нам интерес.

Его куда больше притягивает двадцатилитровая фляга с водой, которая стоит недалеко от костра дежурных. Пожар внутри требует влаги.

– Да что там за оладушки! – проявляет неожиданную хозяйственность Юля, – небось горелые всё.

По её виду понятно, что она бы такого точно не допустила.

– Зато со сгущёнкой, – мечтательно добавляет Татьяна.

– Куда тебе ещё! – щиплет её за бочок Надя.

Девчонки резвятся вокруг меня, с гордостью поглядывая на остальных. Они ведут меня по лагерю, показывая камералку, "лежбище слонов", так называется шатёр, где обитают старшаки, продуктовый склад, лопаты и прочие достопримечательности.

Время от времени я вскидываю камеру и щёлкаю. Мои спутницы в этот момент почтительно замолкают. Официальный статус и то, что я "при деле", а не шляюсь просто так, поднимает меня в их глазах на серьёзную высоту.

Оладушки действительно плоские и подгоревшие. Юля тут же обращает на это внимание и затевает перебранку с некой Ленкой, одной из дежурных. Это привлекает ещё больше внимания и пока я завтракаю, свита вырастает как минимум втрое.

Самые первые, Надя, Юля и Татьяна заключают между собой военный союз и дружно обороняют меня от окружающих.

Парни на раскопках тоже присутствуют, но их отёрли на задний план. Во-первых, их явно меньше. Девушки в этом возрасте вообще более склонны к авантюрным поступкам, таким как спонтанные поездки, сомнительные знакомства и ранние браки.

Мужской пол уже в это время больше ценит уют, комфорт и мамины котлетки. Большинство их однокурсников сейчас чихают в пыльных архивах. А девушки любят простых романтиков.

Те немногие, кто всё же приехал на раскопки, старательно изображают равнодушие и скуку, чтобы сберечь остатки хрупкой самооценки.

К палатке руководства я подхожу во главе небольшой толпы. Профессор Аникеев, про которого я уже слышал, похож на лешего. Лохматый, с большой всклокоченной бородой. Принадлежность к цивилизации в нём выдают только очки. Профессор подслеповато оглядывает нас, кажется, опасаясь стрелецкого бунта. Известие, что я из районки его заметно успокаивает.

– Так, ваши уже были, – говорит он и описывает даму, в которой я узнаю Нинель.

Поражаюсь её расторопности.

– Руководство приняло решение дополнить фоторепортажем, – импровизирую, – советское студенчество на передовых рубежах науки... уникальные находки... популяризация быта пролетариев доисторической эпохи...

Аникеев, слушая эту чушь, морщится как от зубной боли. Девушки в восторге.

– Вы, надеюсь, в статье это писать не будете? – говорит он.

– Я только фото делаю, – поясняю, – статьи другие люди пишут. Специально обученные.

– Хвала небесам, – облегчённо вздыхает профессор, – тогда делайте свои фото. Только на раскоп мы ближе к вечеру пойдём, когда жара спадёт. Вас это устроит?

– Мне так даже лучше, – отвечаю, – освещение больше

подходит.

– Ну вот и ладушки, – профессор обводит мою свиту строгим взглядом, – девочки, а вы что столпились? На завтрак, а потом быстро в камералку!

Сзади меня раздаётся печальный стон. Праздник закончился, наступают трудовые будни.

– Можно, я пока быт снимаю? – спрашиваю.

– Сколько угодно, – великодушно разрешает Аникеев.

Получив верительные грамоты и оставшись в одиночестве, я, наконец, заряжаю плёнку. Да, всё это время я ходил и щёлкал пустой фотокамерой. Зачем мне фотографии палаток и лопат? Люди и только люди.

Дежурная наливает половником чай в эмалированные кружки. Брюнетистая Юля кусает оладушек, недовольно морща нос. Надя скармливает свой завтрак приبلудившейся местной собаке.

Эти снимки не пойдут в газету. Я набиваю руку. Привыкаю к камере. Заодно тренируюсь, подмечаю, ищу особенные черты их научно-походного быта. Это любитель доволен собой. Профессионал учится всю жизнь, получая кайф от самого процесса.

Фото потом Аникееву отдам. Это сейчас он молодой, да ранний. Скитается по задворкам и копает всякую ерунду. А в моём будущем заматерееет, всерьёз займётся охраной исторических памятников и станет серьёзной фигурой. Хорошие отношения с таким человеком не повредят.

С фоторепортажем, думаю, тоже проблем не будет. Дам Подосинкиной хорошую фактуру, вряд ли она откажется. Так что я, получается, даже не соврал.

Ко мне тем временем привыкают. Только видно, что девчонки немного позируют. Но это их обычное состояние. В камералке они быстро приходят в себя. Работа там кропотливая и требует внимания. Найденные осколки каменных орудий надо отмыть, промаркировать и записать в журнал.

Мезолит – действительно скучнейшая эпоха. Даже топора каменного не найдёшь. Мамонты уже вымерли. За оленями и зайцами народ бегаёт с копьями и луками, а ножи делали наборными, вставляя в деревяшку каменные зубья как у пилы. С виду и не догадаешься, что эти обломки камня шлифовала человеческая рука многие тысячи лет назад.

– А как вы тут вообще время проводите? – снова завожу разговор.

– Да мы только позавчера приехали, – говорит Татьяна. – Песни поём... землянику собираем... на речку ходим... – перечисляет она.

На словах о землянике Надя с Юлей обмениваются быстрыми взглядами. Домашние девочки вырвались из-под родительского крыла и спешат быть взрослыми.

– А вы фото нам покажете? – спрашивает Юля.

– Могу даже подарить, если хотите, – говорю.

– Конечно, хотим! – они даже про находки забывают. – А когда?

– Через несколько дней, – объясняю, – я к вам ещё вечером сегодня приду. На раскоп.

– Спасибо, что предупредили! – Юлия самая бойкая и переходит в наступление, – А то рухнули сегодня как снег на голову. Мы даже подготовиться не успели.

– Вы и так красивые, зачем готовиться? – говорю, – и давайте на "ты", а то я себя стариком чувствую.

– Никакой ты не старик, – заявляет Надя, ревниво поглядывая на подругу.

– Вы на речку куда ходите? – резко меняю тему.

– Прямо за рощей, там пляж небольшой есть. Только лепёх корових много, – жалуется Татьяна.

– Ну кто ж там купается?! – заявляю, – хотите, я вам нормальный пляж покажу? Его только местные знают. Приезжим мы не рассказываем. И вы молчите, это тайна!

– Покажи, – загорается Надя.

– Нас не отпустят, – вздыхает Татьяна.

– Выкрутимся, – решительно говорит Юлька, – когда, завтра?

– Завтра я на работе занят, – прикидываю свои планы, – давайте послезавтра. Вечером уточним ещё.

Когда я уйду, чувствую спиной три девичьих взгляда.

Глава 3

– Грандиозный человек, – говорит Нинель, – глыба! Такой масштабный! Такой настоящий!

Это она о профессоре Аникееве. Косматый археолог оставил глубокую рану в её большом нежном сердце.

Нинель поднимает глаза и виновато берёт со стола мармеладную дольку. Мармелад принёс я. Любовь к возвышенному и романтичному борется в душе Нинели с мелочной страстью к сладостям. Я этим цинично пользуюсь.

В редакции я всё ещё посторонний. Народ присматривается ко мне, но во внутренний круг не пускает. Сегодня начинаю штурм этой крепости. Мармелад – мой троянский конь. Тем более что у меня появляется предлог.

– Давайте сходим к археологам вместе? – предлагаю, – вечером, когда они копать будут.

– Разве это уместно? – честное слово, Нинель даже слегка краснеет, – не хочу быть навязчивой.

В её глазах вспыхивает мечтательность.

– У нас повод есть, – объясняю, – я буду фоторепортаж делать, а вы к нему дополнительную фактуру выясните. Я Аникеева уже предупредил.

– Как ты любезен, – расцветает журналистка. – Это очень интересно, возможно уже есть находки. Про них надо обязательно в статье рассказать. Спасибо за мармелад, ты сам

тоже кушай. Будешь чай?

– Буду.

– Таша, поставь чайник пожалуйста, – тут же делегирует Нинель.

Худая остроносая Таша обычно сидит в другом кабинете, вдвоём с Уколовым. Но тот сегодня укатил в поля. Таше скучно. Она сидит на подоконнике и таскает со стола мармеладки.

– Есть находки, – подтверждаю, – лично с утра видел.

– Сколько можно галдеть! – влезает в разговор мужчина с эскобаровскими усами, – Не мешайте людям работать.

– Вам, Иван Петрович, спешить некуда. Вы четвёртый день свой очерк в муках рождаете. – огрызается Нинель, – "... об экономических аспектах прироста свинопоголовья".

– В отличие от вас, пустозвонов, аналитикой тоже кто-то должен заниматься, – парирует "эскобар", – на улицу ступайте и там лясы точите.

– Правда, Нинель, – поддерживает его Степановна – отвлекаешь.

Степановна – ответственный редактор. К её мнению прислушиваются. Слова она произносит солидно и весомо.

В данный момент Степановна занята двумя делами сразу. Читает журнал "Работница" и довольно шустро вяжет крючком.

– Идём, Альберт! – Нинель поднимается над столом как грозная туча. – Нам нечего делать среди этих мешан.

– Я с вами! – спрыгивает с подоконника Таша, забыв про чай.

Таша немногим старше меня. Она закончила педучилище в Кадышеве и теперь поступает на журфак. Третий год подряд. В этом тоже поедет. В газете она числится на полставки. Вторую половину времени отработывает в Берёзовском детсаду.

Таша специализируется на детях, подростках и молодёжи. Я удивлён, что на раскопки поехала не она.

На крыльце разволновавшаяся Нинель достаёт пачку "Герцеговины Флор" и предлагает мне и Таше. Отказываюсь.

– Спортсмен, – хихикает Таша, стреляя глазами. Она подвижная, как блоха. Курит Таша "в кулачок", словно мелкий уголовник.

– Опять бесится, – ухмыляясь сообщает она.

– Усатый? – уточняю.

– Да, Ивахнюк – кивает Таша, косясь на Нинель.

Её переполняет желание выплеснуть редакционные сплетни на свежие уши, но останавливает молчание коллеги.

Редакционная "прима" раскуривает сигарету, манерно держа её в пальцах, как дирижёр – палочку.

– Второй год бесится, – осторожно сообщает она. – Как Марина появилась, так он места себе не находит.

– При чём здесь Марина? – строю из себя дурачка.

Таша хихикает.

– Он ведь "исполняющим обязанности" был, после преж-

него редактора, – решается Нинель, – Назначения ждал. А тут какая-то профурсетка на его место. Нет, ты не думай, – спохватывается она, – мне Маринка нравится. Ответственная она и соображает по-столичному. Не то, что остальные в нашем болоте...

Умиляюсь. Нинель, нисколько не сомневаясь использует меня как агента влияния. В редакции догадываются, что меня к работе привлекла Подосинкина. Но что нас связывает, точно не знают. Так что слухов нам с белокурой редакторшей можно не опасаться. Что бы мы ни делали, они всё равно появятся.

– Что, Ивахнюк, сильно переживал? – возвращаю разговор в нужное русло.

– Каждую неделю в райком кляузы таскал, – Нинель щурится на табачный дым, – Все надеялся рокировку сделать. Самому наверх, а Марину под себя, замом. Как сотрудника ценного, но неопытного. Сейчас притих что-то. Небось, задумал чего.

Вот так "тайны Мадридского двора". У Марины в редакции есть весьма активная "пятая колонна".

– А Комаров? – уточняю.

– Что, Комаров? – удивляется вопросу Нинель.

– На чьей стороне?

– "Пионеров лучший друг, наш товарищ Ивахнюк", – цитирует Таша нараспев. – Они раньше с Комаровым вместе в райкоме сидели. Один по идеологии, а второй по работе с

молодёжью. В соседних кабинетах. Ты сам-то, как думаешь, на чьей он стороне?

А я думал, тайная страсть, неразделённые чувства... Версия Нинель циничнее, но куда вероятней. Своим появлением, Подосинкина спутала карты местным товарищам. Теперь она как бельмо на глазу Комарову и его бывшему коллеге.

А меня им обоим тем более любить не за что. Если бы не я, Марину после недавних событий попёрли бы с руководящей должности, а, может, и вообще из газеты. Тогда в публичном пространстве Берёзовского района воцарился бы мир и покой.

Приятно, что появилась хоть какая-то определённость. Хотя, честно говоря, новости скверные. Я невольно оказываюсь в эпицентре административных разборок. Причем союзник из Подосинкиной аховый.

Мало того что она до сих пор не сообразила, по какой причине находится в немилости. Еще и эмоциональна до крайности. Семь пятниц у неё на неделе.

В этом свете от товарища Комарова ничего хорошего ждать вообще не приходится. Ладно, он запросил негативы съёмок с дояркой. Их уже отпечатали в газете и поставить под сомнение моё авторство невозможно. Спишем это распоряжение на техническую безграмотность.

Зачем ему негативы "комсомолки"? Сам Комаров воспользоваться ими не сможет. Для этого руки должны из правильного места расти. Тогда, для кого?

Самое простое – отказаться. Заставить меня товарищ из райкома не может. Это мои личные съёмки. Я тогда даже к работе в газете не приступил.

Отношения с ним испорчу, конечно. А ведь он мне ещё за камеру сто рублей должен. И в остальном укрепление материально-технической базы лаборатории, то есть, по факту моей, идет через Комарова. Стоит ли рубить сук, на котором сижу?

Любопытно, зачем они всё-таки ему понадобились?..

– Алик, ты не уснул? – Нинель ловко бросает окурок в специально прибитую для этой цели консервную банку. – Пойдём чай пить.

– Извините, девушки, без меня. Дела.

Договариваюсь с Нинель встретиться через два часа у редакции и бегу к Женьке.

Друга я нахожу озадаченным. Стол в его комнате завален книгами. Семьдесят два рубля оказываются большими деньгами, если учесть "закупочные" цены в официальных магазинах. С удовольствием обнаруживаю синий "кирпич" стихов Мандельштама. К сожалению, всего три экземпляра. "Последние забрал", – поясняет он.

Среди добычи находится свежее издание Ахматовой и "Тёмные аллеи" Бунина. Советская власть в эпоху пресловутого "застоя", сняла запрет на многих своих идейных противников, отделяя "котлеты от мух". Не издавался только вопиющая антисоветчина, вроде замятинского "Мы" или "Ока-

янных дней" того же Бунина.

Недовольные, кстати, приняли эти уступки за слабость режима.

Особенно гордится Женька изданием с серой тряпичной обложкой с рисунком в виде угловатой скрипки. "Визит к минотавру" братьев Вайнеров.

"Можно, я сначала почитаю", – просит он.

Я не возражаю. "Товарный вид" из да одного прочтения не пострадает. Книги продаются "с рук" и даже весьма потрепанное состояние, по словам моего знакомого "книголюб-ба", покупателей не отпугивает.

– А с этой фигней я не знаю, что делать, – пожимает плечами Женька. – Взял одну на всякий случай. Ты про такого писателя вообще слышал?

– Много там "этой фигни"? – я беру книгу и чувствую, что у меня холодеют руки.

– Дофига, – выдаёт Женька. – полгода лежит уже. Не берёт никто.

– И где лежит? – вкрадчиво спрашиваю.

– В Голоносовке, – объясняет приятель, – это от Кадышева двадцать километров. У них в сельпо книжный отдел за чем-то сделали.

Объясните мне, как и для какой цели "Заповедник гоблинов" Клиффорда Саймака мог оказаться в селе Голоносовка, где средний возраст населения "шестьдесят плюс"?

В голове сотрудника какого НИИ статистики или торгов-

ли могла появиться подобная идея? Какие цели при этом преследовались? Сколько ещё таких негаданных сокровищ разбросано по всему необъятному Союзу?

– Поехали! – я понимаю, что это золотая жила, и пустить дело на самотёк не могу.

По просёлку мчимся в Голоносовку. Женька говорит, что есть короткая дорога и я по наивности ему верю. Получается ближе, но дорогой это не назовёт ни один оптимист. Мопед скачет по холмам, как заправский "эндуро", а я каждую минуту жду, что у нас отвалятся оба колеса и мы улетим в кювет. Однако, доезжаем.

Продавщица с усталым лицом узнает Женьку с порога.

– Вернуть решили? – вздыхает она, – я так и думала. У нас вообще не положено, но ладно...

– Нет, – говорю, – мы все заберём. Сколько их у вас?

– Батюшки-светы! – всплёскивает она руками, – сейчас посчитаю.

Книг оказывается тридцать две. Денег хватает впритирку. Для этого мне приходится добавить десятку, которую отложил как неприкосновенный запас.

– Зачем вам столько? – удивляется женщина, заворачивая каждую книгу отдельно в серую обёрточную бумагу.

Я прошу её этого не делать. Времени уходит на это масса. Меньше, чем через час Нинель будет ждать меня у редакции. Но продавщица продолжает, не слушая аргументов.

– В макулатуру сдадим, – говорю от досады я, – талончики

получим на Дюма.

Женщина замирает с листком в руках.

– Не продам, – говорит она, – ишь, придумали! Люди старались, печатали! А они народное добро решили переводить, ироды!

Женька хватается за голову.

– Вот нахрена ты поехал, юморист?!

Приходится резко включать обаяние и объяснять, что мы из оргкомитета районного слёта юннатов-лесоводов. Ищем памятный подарок для участников: "Представляете, надо всем одинаковый, а то обидятся", и что книга подходит идеально: "Заповедник" же, нам прямо по теме".

Продавщица сурово вглядывается в нас. Мы тянем лыбу. Добавляю, что на макулатуру я бы лучше взял "Справочник по орошению пустынных серозёмов бассейна Аму-Дарьи", который слепая судьба тоже занесла на голоносовский прилавок. Он вдвое толще и дешевле на двадцать копеек. Аргумент срabатывает.

До встречи с Нинелью остаётся сорок минут.

– Женька, жми!

К Женькиному дому мы подкатываем в пять минут шестого.

К этому моменту я переполняюсь гордостью за отечественную промышленность. Основательные вещи делают в Советском Союзе. С большим запасом прочности.

Вместе затаскиваем книги. Ноша не очень большая, но

увесистая. Женька расставляет их по стопочкам, помечая, где и за какую цену куплена каждая. Школьная тетрадь в клеточку наполняется пометками и примечаниями. Убеждаюсь ещё раз, в своём решении привлечь приятеля. Торговля для него как воздух, а для меня лишь возможность "подлататься".

Мопед меняет седока. Нинель я застаю на крыльце редакции, как и условились. Опасаюсь, что она будет сердиться по поводу опоздания, но репортёрша слишком погружена в собственные переживания.

На ней строгое вишнёвое платье с кокетливым разрезом и каблуки. Словно не в лес собралась, а в театр. Понимаю, что наши планы в отношении археологов совпадают, и мне становится смешно. Кому студентки, а кто охотится на крупную дичь. На самого профессора.

– Прокатимся, Нинель Юрьевна?

– Ты уверен, что это хорошая идея? – сомневается репортёрша.

Взгляд её говорит другое. "Выдержит ли? Вытянет ли твой Боливар такую роскошную женщину, как я?". Но после голоносовского родео я полон оптимизма.

– Гораздо лучше, чем туфли по просёлку бить, – говорю, – да вы не сомневайтесь, я аккуратно поеду.

Нинель вздыхает, словно решается на что-то немного запретное, но приятное. Например на второй кусок шоколадного торта.

– Ну, поехали...

– Сейчас, только сумку с камерой захвачу!

Лагерь археологов почти пуст. Дежурные объясняют нам направление, в котором находится раскоп. Перед финишем поддаю газу, и мы прибываем эффектно. Под треск двигателя и испуганный визг Нинели.

Мои новые подруги машут ладошками. Понимаю, что радуются не только мне, но и возможности оторваться от скучной работы, но всё равно приятно.

– Сейчас мы вам всё покажем! – говорит Юля и хозяйски берёт меня под руку.

– Тебе, – поправляю, – мы же договорились.

– Тебе покажем! – к другой руке цепляется Надя.

Видно, что она не такая бойкая, как брюнетистая подруга. Но сейчас возмущена коварством однокурсницы и без боя сдаваться не собирается. Возникшее на ровном месте соперничество поднимает мои акции среди студенток на небывалую высоту.

Раскоп выглядит, как неглубокий фундамент дома, который целой толпой копают вручную. Ровные квадраты метров по восемь в каждую сторону разделены узкими стенами-бровками.

Студенты сидят на корточках и по сантиметру снимают дно детскими совочками. Если натыкаются на что-то, в ход идут зубные щётки и кисточки. Муторный и долгий процесс.

Романтика не здесь. Она в кострах, гитарах, самогоне из

эмалированной кружки и поцелуях в малиннике. А здесь нудный труд, который интересен далеко не всем. Так что девчонки с удовольствием отлынивают.

– А здесь мы кости нашли, – рассказывает Надя, – наверное, здесь захоронение. Возможно, попадутся ритуальные предметы или украшения...

– Много костей?

– Целых две!

– За кости тоже сгущёнку дают, – вздыхает Татьяна, – только нас теперь сюда не пускают. "Слоны" сами копают.

Татьяне руки не хватило. У меня их только две. Поэтому она ходит чуть в стороне и много вздыхает.

"Слоны" – это самоназвание старшекурсников. Здесь они и охрана и главная рабочая сила и самые квалифицированные специалисты. Ядро местных "альфачей". Моё присутствие они, до этого момента, старательно игнорируют. Но сейчас мы приближаемся вплотную.

– Юль, пойдй сюда! – выпрямляется один.

Узнаю утреннего знакомого Серёгу. Сейчас он не здоровается. Равнодушно так разглядывает, и всё.

– Ну чего тебе? – отвечает Юлька, не сходя с места.

– Подойди, говорю, – злится старшекурсник.

На Юльке синие трикотажные шорты. Она подходит медленно, с лентой, старательно виляя попой.

– Пошли после ужина за земляничкой?! – говорит Серёга. – Я полянку нашёл удобную. Тебе понравится!

Смотрит при этом на меня. Детский сад, штаны на лямках.

– Так после ужина темно уже, – сообщает наивная Татьяна, – как её собирать в темноте?

– Наощупь! – скалится Серёга.

– С кем нашёл, с тем и собирай, – выдаёт Юлька.

– Так я с Вованом её нашёл, – не врубается тот, – ты чего?!

Парень хотел заявить свои права, а его только что прилюдно отшили. Кажется между этими двоими что-то наклёвывалось. Пока не появился наглый Алик Ветров с фотокамерой.

– Приятно провести время с Вованом! – Юлька равнодушно отворачивается, – Альберт, пойдёмте, я покажу, где наконечник нашли.

– Давайте лучше к делу приступим, – говорю, – а то солнце уйдёт.

Снимать согнутые в три погибели фигуры в ямах скучно. Убеждаю девчонок взять лопаты.

– Мы ими не копаем, – сопротивляются они.

– Здесь важен символ, – объясняю, – образ должен быть понятен сразу, с первого взгляда. Он должен отпечатываться в сознании.

Не понимают, но соглашаются. Ставлю их с лопатами в руках вдоль бровки. Против солнца в нарушение всех правил. Сам спускаюсь в раскоп. Снимаю снизу. Тёмные силуэты на фоне неба вырезаны контрастно, как на гравюре.

Девчонки позируют слегка дурачась. В кадре у меня хрупкие изящные фигуры и мощные штыковые лопаты. Контраст

по свету, контраст по содержанию. Аватары Клио сошедшие в наш бранный мир. Богини Археологии.

– Из раскопа вылезь! – слышу сзади.

– Отстань, – говорю, – не лезь под руку.

– Ты чё, тупой?! – узнаю голос Серёги, – сам свалишь, или тебя пнуть для скорости?!

Глава 4

– Серёженька, уймись, – говорит Юлька, – не будь придурком.

В её глазах светится презрение, а ещё любопытство. Если Надя искренне переживает из-за конфликта, даже ладошки на груди сложила, то этой интересно, во что всё выльется.

Такие девушки отвечают за генофонд человечества. Это их миссия. В любую минуту они будут рядом с самым сильным, властным и перспективным мужчиной, который окажется поблизости.

Неважно, будет это главарь бандитской шайки, идущий по головам политик, или умница-стартапер в дурацкой клетчатой рубашке. Она станет для него самой ласковой и любящей кошечкой. И моментально предаст, как только рядом окажется мужчина ещё перспективнее. Это не подлость. Это естественный отбор. Психологию женщин писал Дарвин, а не Фрейд.

До сегодняшнего утра роль "вождя племени" выполнял старшекурсник Серёжа, и Юлька оказалась естественным приложением к его статусу.

Был, конечно, профессор Аникеев, и этот вариант тоже не исключался. Не зря студентки влюбляются в преподавателей. Механизм тот же самый. Но здесь до этого дело пока не дошло.

А ещё такие девушки обожают стравливать мужиков. Надо ведь посмотреть, кто из них действительно её достоин. Интересно, за кого она сейчас болеет.

Ситуация глупая и неприятная. Я надеялся, что статус фотокорреспондента страхует меня от любого силового воздействия. Поскрипят зубами местные и отступятся. Я недооценил уровень гормонов и дури в студенческих башках.

Смуглая оторва не только поманила своего кавалера всяким, но и, судя по всему, дала попробовать. А своё отдавать без боя тяжело и унижительно. Вот Серёжик и потерял берега. Но мне от этого не легче.

Драться я сейчас хочу меньше всего. Прежде всего у меня на шее камера, которая может пострадать. Рисковать аппаратурой мне не улыбается, даже ради любовных побед. Девушек я и других найду, а за новой камерой в Белоколодец ехать. Цинично, но факт.

И всё же бегать в этой ситуации... западло. Так же, как и звать на помощь Аникеева, чтобы приструнил свою вольницу. Вон он стоит неподалёку, распушив бороду и красуясь перед Нинель. Этих двоих друг от друга сейчас только выстрелом из пушки оторвёшь.

Серёга старше меня и крепче. Не то чтоб я сильно его разглядывал, но машинально запомнил. Он сильно сутулится, но если распрямится, будет на голову выше. У него длинные и сильные руки. Ещё бы, столько лопатой махать! Если навалится и переведёт схватку в "партер", мне будет хреново.

Такой и придушить может как котёнка.

Сам он в своих силах не сомневается. Я по-прежнему выгляжу худым и щуплым. Мышечную массу быстро не нарастишь, тем более в отсутствии правильных тренажёров и спортивного питания. Да я к этому и не стремлюсь. Никогда не был качком.

А вот в выносливости и скорости я прибавил. Уже четыре дня хожу на занятия к Мухомору, и гоняет он меня нещадно. Тренер удивляется быстрому прогрессу. Мозг помнит, как надо двигаться, так что на постановку правильных движений уходит мало времени. Нужно только развить мышечную память, довести их до автоматизма. Так что я вполне способен удивить старшекурсника.

Другое дело, что ради победы придется держать его на расстоянии. Если он опомнится и схватит меня хорошенько, шансов у меня уже не будет. А для этого его бить. Отмудожать. Превратить в котлету. Вряд ли это понравится Аникееву.

Бесполезно будет объяснять, что "он первый начал". Симпатии всегда на стороне жертвы. В лучшем случае мне запретят появляться у археологов и пожалуются в газету. В худшем – накатают заявление. А у меня в недавней памяти история с алкашом-фотографом. Вроде там я бы ни при чём, но осадочек остался. Да и репутация...

Фотографу нужна репутация весёлого бесконфликтного парня, а не психа, который чуть что, пускает в ход кулаки.

Нахрена такой персонаж на серьёзном мероприятии? На свадьбах, к примеру, и своих желающих подражаться достаточно.

Вот такая куча мыслей проносится у меня в голове, когда я слышу за спиной голос. Не моментально, понятное дело. Серёжик мою заминку принимает за страх и ещё больше распаляется.

– Пшёл отсюда, говорю! – рычит он.

– Сам себя пни! – придаю его мыслям правильное направление.

– Серёжа, успокойся! – волнуется Надя, – Альберт просто работает! Ему красивая натура нужна.

После таких слов никто, конечно, не успокаивается. Скорее, они имеют обратный эффект.

Я сижу на корточках в раскопе. Моветон, конечно, лезть туда без разрешения. Но квадрат сейчас пуст, здесь никто не работает, и все возможные артефакты находятся под землёй. Повредить, стоя сверху, я ничего не могу. Так что Серёга пургу гонит.

Раскоп неглубокий, чуть меньше метра. Старшак стоит на бровке за моей спиной. Моя макушка как раз на уровне его ног. Бить по ней за гранью добра и зла, так что за это я не волнуюсь. Вообще, перейти к решительным действиям сложно. Для этого ему придётся спрыгивать ко мне вниз. Вот он и топчется, не зная, как поступить. Решаю ему помочь.

– Я бы тебе предложил сфоткаться, – говорю, – но у Юльки ноги красивее.

Встаю, не оборачиваясь в его сторону, и начинаю копать-ся в фотоаппарате, развернув его к себе линзой. Даже чуть вперёд нагибаюсь, настолько увлётся.

И Серёжа ведётся! Соблазн слишком велик. Можно привести свою угрозу в действие и унижить заезжего хлыща. Он замахивается, чтобы смачно пнуть меня по заднице.

Бац!

Нога пролетает мимо. Объектив стеклянный, и не только позволяет смотреть сквозь себя, но и отражает то, что находится у меня за спиной. Искажает, конечно. Но само движение я уловить могу. Больше мне и не надо.

Нога "старшака", не найдя желанной цели, проваливается вперёд. Подхватываю её под пятку и придаю ускорения. Серёжик соскальзывает с бровки и смачно рушится жопой в раскоп!

Падение плашмя с метровой высоты вышибает из него весь боевой пыл. Хорошо, что внизу не камни, а мягкий суглинок. Иначе сломал бы себе что-нибудь.

– Ты что творишь?! – Кидаюсь к нему с иезуитской заботой и тут же, прикрыв от зрителей своим телом, пробиваю снизу в печень.

Безжалостно. Со всей дури.

Если такой удар поставлен, то им можно человека покалечить. Но я всего лишь Алик Ветров с "весом пера". В моём исполнении это просто очень больно. Мне надо поставить точку в конфликте, и я это делаю.

Серёжик сгибается от болевого шока. Он лежит в позе эмбриона и тихонько поскуливает. К нам со всех сторон бегут люди.

– Что с ним?! – охает сердобольная Татьяна.

Мои археологические фотомодели первыми оказываются рядом.

– Может, ногу повредил при падении? – пожимаю плечами. – Или голову отшиб?

– Нечего там отшибать, – жестоко заявляет Юлька, – пусть не ноет. Нехер было лезть.

Поражение оказывается слишком быстрым и позорным, чтобы вызвать сочувствие.

Подбегает Аникеев.

– Серёжа, ты зачем бровку обсыпал?! – возмущается он. – Какого ты хера туда полез?! Ой! Простите Нинель Юрьевна, вырвалось.

Серёжа охает, пытаясь оправдаться. Из горла вырывается только хрип.

– Я вас умоляю, Николай Николаевич, просто Нинель. – кокетничает она с профессором. – Алик ты цел?

– Со мной всё в порядке, – говорю, – это товарищу помощь нужна.

Прибежавшие "слоны" уводят своего приятеля. На меня они смотрят с подозрением. Весь конфликт, кроме финала "старшаки", наблюдали и сейчас у них ко мне много вопросов. Но задавать их при Аникееве они не решаются.

– Продолжим? – предлагает Надя.

О своём защитнике они моментально забывают.

– В следующий раз, – говорю, – на сегодня хватит.

– Ну вот, – злится Юля, – всё настроение испортил придурок.

– Дело не в нём, – вру, – солнце уходит. Но мы ведь с вами скоро увидимся?

– Ты нам пляж показываешь!

– Значит, договорились.

На прощание Юля демонстративно целует меня в щеку, а Надя украдкой пожимает ладонь. Скромная Татьяна стоит в стороне и лучезарно улыбается.

Нинель решает задержаться, и я уезжаю. Мопед не спеша катит по лесной дороге. Спешить некуда, я сегодня уже везде успел. В голове крутится приятное. Надя или Юля? Надя симпатичнее... Юля ярче... А может всё-таки Татьяна? Формы у неё выдающиеся... К тому же в тихом омуте... или, все таки, Надя?

Также медленно вкатываюсь в Берёзов. На улицах светло, но на всём уже лежит печать вечернего покоя. Дела все сделаны. Сорняки выполоты, дрова наколоты, бельё постирано, вернувшиеся с полей коровы мычат в своих стойлах.

Можно зацепиться языком с соседкой чтобы обсудить "шалаву Светку". Можно украдкой от супруги принять на грудь стакан, и теперь умиротворённо поглаживать усы, глядя на улицу через плетень.

Воздух кажется плотным. Треск мотора моего "дырчика" застревает и повисает в нем. К привычным запахам древесины, сена и навоза добавляется чуть удушливый сладкий цветочный аромат, от которого странно щемит сердце.

У поворота на центральную площадь дорогу мне заступает капитан Грибов. Я резко жму тормоз, едва не слетая с мопеда.

– Сергей Игнатьевич! – едва сдерживаюсь, чтоб не заорать на него, – а если бы я вас сбил?! Зачем под колёса кидаться?!

– Обрадовался я, что тебя увидел, – вроде как извиняется капитан, – не рассчитал. Тебя ведь разве застанешь? А я поговорить с тобой хочу.

– О чём? – спрашиваю.

Любопытство во мне мешается с настороженностью. Вроде Грибов за всё это время ничего плохого мне не сделал. Скорее наоборот. Может, он со мной про секцию уличного бега решил поговорить? Тёплый вечер настраивает меня на самый мирный лад.

– Ну не здесь же... – разводит руками Грибов. – Что мы с тобой встали посреди улицы?

– У вас в отделении? – уточняю.

Капитан обезоруживающе кивает, мол куда ж ещё я позвать могу?

– Чаю попьём... – предлагает он. – Кстати, откуда у тебя мопед?

Такой вот резкий переход.

– Покататься дали.

– Кто?

Грибов ещё улыбается, но глазами ощупывает моё транспортное средство. Профдеформация. Человек привык задавать вопросы и получать на них ответы.

Соображаю, что понятия не имею, как зовут владельца мопеда. Так что в глазах капитана это вполне может выглядеть как угон. Хотя с другой стороны, какого хрена он цепляется? Заявления нет, значит, и повода для расспросов тоже.

– Макса старший брат, – говорю, – здоровенный такой, забойщиком работает. Я ему движок перебрал, а он в благодарность покататься дал. Фамилию его, уж простите, не помню. Можете проверить, если не доверяете.

– Ты настолько хорошо в технике разбираешься, что можешь движок перебрать?

– Я же в политех собираюсь...

– А у меня другие сведения...

– Так, стоп! – заявляю я, и Грибов опешив замирает у входа в участок. – Если вас моя мама подслала "поговорить по-мужски", то я никуда не пойду. При всём уважении, у меня своя голова есть. И передайте ей...

Капитан натурально выпадает в осадок.

– Нет, – оправдывается он, – Мария Эдуардовна ни о чём меня не просила. Я по другому поводу...

Замешательство капитана меня успокаивает. Если бы у него было что-то серьёзное, он бы не плясал сейчас передо

мно́й эти светские реверансы. Делишки за мно́й водятся властью не поощряемые. Та же перепродажа книг – натуральная спекуляция. За это и "присесть" можно.

Заходим. Капитан молча ставит чайник. Достает подстаканники. Пауза затягивается. В расчете на пацана из выпускного класса он действует правильно. У того уже эмоциональные качели солнышко должны крутить.

Только мне пофиг. Даже где-то внутри смешно немного.

– Фотокамеру нашли, – говорит Грибов.

– Какую? – не могу сообразить, о чём речь.

– Зоркий-5, – поясняет капитан. – ту, которую из редакции украли несколько дней назад.

– Вот радость какая! – улыбаюсь, а внутри у меня холодеет, – как нашли-то? Дело ведь не заводили.

– Дело не заводили, но список я всё равно у Комарова попросил, – говорит Грибов, – Павел Викентич не отказал мне в такой малости. Любопытно мне стало, кто в МОЁМ посёлке мог такое дело учинить. Нагло... как ты тогда сказал? Цинично... И что дальше ожидать от этого деятеля?

– Вроде турист же? – подыгрываю ему. – С сельпо перепутал.

– Может, и турист – легко соглашается капитан. – Другое удивительно. Кража произошла неделю назад. А фотоаппарат нашелся два года назад.

Грибов делает драматическую паузу. Я увлечённо слушаю, разве что рот не открыл. Дело и правда вырисовывает-

ся любопытное.

– Его в Белоколодецк в комиссионку сдали. – продолжает капитан, – Только инвентарный номер затерли плохо. Заведующая сразу в органы сообщила. Взяли продавца или нет – не знаю. Не заинтересовался я тогда этим делом. А сейчас сразу вспомнил. По ориентировке подходит. Тогда по всем районам ориентировку направили, определить, откуда техника пропала. Получается его что, путешественник во времени украл?

– Почему это?

– Так ты его неделю назад видел!

– Я видел КАКУЮ-ТО технику в коробке, – осторожно поправляю я. – Кюветы видел, бачки. Может и ещё что-то было. Не разглядел. Поэтому про опись и напомнил. Так что вы не у меня, а у товарища Комарова спрашивайте, куда его имущество подевалось.

– Спрошу, не сомневайся, – Грибов старательно разливает чай по стаканам и предлагает мне, – меня другое удивляет.

– Что? – меня начинают раздражать его псевдориторические вопросы.

– Я ведь тебя, Алик, с детского сада знаю, – говорит капитан, – не то, чтобы лично за тобой слежу. Но родительница твоя часто про тебя рассказывает. Гордится она тобой сильно. И заслуженно гордится. Отличник. Умница, хоть и тихоня. Мамина радость.

Слова-то подбирает какие. Колючие. Вроде и хвалит и

поддеть норовит. На эмоцию выводит.

– Мне нравится учиться, – соглашаюсь, – легко всё даётся...

– И тут вдруг из каждого происшествия торчат твои уши, – не слушая продолжает Грибов, – бегом ты увлёкся, хоть раньше тебе пятёрку по физкультуре натягивали, чтоб картину не портить. Печать десятипальцевую освоил, хотя дома пишущей машинки нету. Вместо политеха в газету пошёл. Степанов рассказывает, ты вместе с ним грушу пинаешь. Мопедом обзавёлся. И всё это за две недели...

– А что, нельзя? – слишком нагло для подобной ситуации отвечаю я.

– Вот, что я говорю, – качает головой Грибов, – в тебе сейчас даже волнения нет. Да, будет тебе известно, честный человек всегда в милиции волнуется. Даже если не совершил ничего. Потому что у него совесть есть. И эта совесть поедом его ест. Даже без причин. Вхолостую. А ты спокоен.

В психологию капитан ударился. Скучно ему. Вот и лезет в дела, в которые не надо. Опасно лезет.

– Чего мне бояться? – говорю, – вы мамин знакомый, и человек не чужой. Она мне про вас тоже рассказывала. Только хорошее, между прочим. Вот когда меня в Белоколодецке ваш коллега в "обезьяннике" истязал, в туалет ходить запрещал, вот тогда я волновался. Хотя совесть у меня чиста была, я за девушку заступился. Что, товарищ капитан, удивляетесь? Не было у вас в сводке такого? И всё равно я себя

тогда не оговорил. А с вами мы просто чай пьём, правда?

– Ты почему на это не заявил? – охреневает Грибов.

Надо же, не зачерствел на службе.

– А зачем? – пожимаю плечами, – всю жизнь потом правды искать? Или, думаете, в областной милиции так легко своего коллегу сдадут? У нас люди любят ярлыки вешать. Не отмоешься потом. Даже вы сейчас это делаете.

– Пойми, я тебе помочь хочу, – капитан заходит с другой стороны, и этот тон мне совершенно не нравится.

Как там, "чистосердечное признание облегчает душу, но удлинняет срок"? Только в чем он меня обвинить пытается? До чего докапывается? Точно не про книги, там был бы разговор короткий. Насчёт кражи в редакции? Дела нет, да и остальное – его досужие домыслы.

– Бывает, Альберт, такое дело, – говорит Грибов, – что знаешь ты одного человека. А потом, раз! И человек перед тобой совсем другой. Словно подменили его.

Глава 5

Приготовление чая в 78-м году – процесс не быстрый. Электрочайник, металлический и блестящий, похожий на обычной только со штепселем сзади, греется минут пятнадцать. Никаких пакетиков. Грибов насыпает в фаянсовый заварник крупнолистовой чай из небольшого бумажного кубика. Грузинский. У заварника отколота ручка. Видимо, поэтому он сослан из дома в рабочий кабинет. Капитан оборачивает его полотенцем, чтобы не обжечься и наливает чай в стаканы.

За окном быстро темнеет. Если выйти на улицу, обнаружишь, что сумерки только начались. Но электрический свет в комнате создаёт впечатление, что снаружи непроглядная тьма. Капитан похож сейчас на следователя из фильма "Берегись автомобиля". Умный и грустный.

Грибов держит "МХАТовскую паузу", надеясь, что пацан "поплывёт". Но добивается неожиданно противоположного. Этот глупый допрос напоминает мне другой. Происходивший в другое время и в других обстоятельствах.

Весной 2013 года я прилетел в Южный Судан, а оттуда рванул в Банги, столицу Центральноафриканской республики. Я мечтал о славе Кевина Картера и Кена Остербрука и едва не повторил их судьбу.

Страной тогда правил Мишель Джотодия. Наш человек в

Африке, выпускник университета Дружбы Народов. Десять лет он прожил в Советском Союзе и привёз оттуда диплом бухгалтера, русскую жену и идеи свободы, равенства и братства.

Возглавив то, что местные называли "демократической оппозицией", бывший налоговый инспектор взял штурмом президентский дворец, отменил конституцию и объявил себя самым главным Чёрным Властелином в стране.

Армия Джотодии состояла из мусульман, которых прежний режим принижал и угнетал. Почувяв власть, они принялись резать своих христианских оппонентов. Те организовали отряды самообороны.

Последователи Пророка пользовались мачете. Христиане предпочитали огнестрел. Первые практиковали ночные погромы. Вторые "геноцидили" в открытую целые кварталы.

"Советский мечтатель" Джотодия пришёл в ужас. Он не контролировал даже собственную охрану и готов был дёрнуть из страны в любой момент.

Под угрозой оказалось святое – добыча алмазов. Цивилизованный мир забеспокоился. Франция собралась ввести в ЦАР войска. Для этого требовалась поддержка масс.

Публика хотела подробностей. Желательно кровавых. Публика требовала "мяса". За неделю работы я поднимал стоимость двушки в пределах МКАДа. Но это не главное. Мои снимки брали все агентства мира. Мои фото были на первых полосах. Это был успех.

Я мотался по истерзанной стране на разбитом "фольксвагене" от одной бойни к другой. Правительство выделило мне водителя в красивой новой форме, с красным беретом и глухими солнцезащитными очками. Он напоказ носил мачете и демонстративно размахивал им, общаясь с гражданскими.

На остановках он задумчиво смолил маленькую трубку. Судя по запаху в ней был гашиш.

Считалось, что он поможет мне решать проблемы, но вышло наоборот. То ли мы сбились с пути, то ли текущая обстановка резко поменялась. В посёлке, куда мы приехали снимать, оказались повстанцы.

Я стоял на коленях на покрытом трещинами глиняном полу и слушал, как во дворе убивают моего водителя. Умирал он долго и плохо. Меня допрашивал старый негр с морщинистым лицом и бульдожьими глазами навывкате. Он говорил на ломаном французском, которого я не знал.

– Пресса... русский... рашен... пресс... фотограф... руссо... – повторял я как заведённый.

Вот тогда мне было действительно страшно. А в кабинете Грибова – нет.

Капитан пряниками угощает. Говорит вежливо. Смотрит внимательно. Прикладом не бьёт. Пистолетом в голову не тычет.

Тогда меня спас крестик на шее. По какой-то странной блажи повстанцы не стали убивать единове́рца. Меня выкинули без аппаратуры с мешком на голове у правительствен-

ного блокпоста. После этого я снимал в ЦАР ещё год.

– А вы то сами как думаете, Сергей Игнатич – спрашиваю.

– Что? – капитан удивляется.

Ему нравится действовать по собственному сценарию. Не привык, когда его сбивают с мысли.

– Почему человек так поменяться может? – говорю, – а то я сам себе удивляюсь.

Вот так. Сколько можно в "угадайку" играть?

– У тебя светлая голова, – говорит Грибов, – а в такие головы иногда приходят очень тёмные мысли... опасные мысли.

– Горе от ума, – киваю, соглашаясь, – знаю, мы проходили.

– Не ёрничай, – капитан впервые проявляет раздражение, – таким, как ты начинает казаться, что правила и мораль на них не распространяются. Что они сами лучше знают, что хорошо и что плохо... Что вокруг них обычные люди, а они... – Грибов подбирает слово, – сверхчеловеки.

Это он что мне сейчас, Ницше цитирует? Интересно, труды "сумрачного германского гения" имеют хождение на территории СССР, хотя бы в виде машинописных брошюр? Могут ли они и вправду смущать умы советской молодёжи?

Собственная эзотерика в советской стране тоже была мощная. Один Рерих с Блаватской чего стоят. Понятия не имею, в каком состоянии она сейчас. Скорее всего, загнана в глубокое подполье. Вряд ли уничтожена совсем, учитывая, как пышно она расцвела в Перестройку. На пустом месте та-

кое не случается.

Спросить не решаюсь, а то потом от подозрений не отделаешься. Грибов и без того в лицо мне вглядывается. Смотри, не триггернись ли я на знакомые фразы.

Скучно капитану в Берёзове. Это у него голова светлая. А он кражи копчёного окорока расследует "с применением технических средств". Будущая система активно высасывала таких людей с мест и тянула наверх. И там успешно гробила в большинстве своём.

Молодёжь уже сейчас живёт по этому принципу. Рвётся в область. Из области, наверняка, в Москву. А у старших "где родился, там и пригодился". Грибов, Уколов... та же Людмила Прокофьевна вообще акула в тихом пруду районного сельпо.

Более того, есть и обратное движение. Молчанов, Подсинкина. Та же моя нынешняя родительница, которая приехала в район из областного театра. Для человека двадцать первого столетия это кажется неправильным. Нерациональное использование человеческого ресурса.

Но я вижу, что благодаря этому Берёзов сейчас живёт. Райцентр из будущего – бледная тень современного. Построят здесь больницу и бассейн. Только работать и плавать там будет некому. Вытянут социальные лифты из посёлка всю душу.

"А сам то ты, Ветров, готов тут жить и состариться? Снимать пастухов и хлеборобов? Завести огород?" – спрашиваю

себя, – жениться на местной, основать трудовую династию и бегать до пенсии с верным "Зенитом", сетуя, что всё вокруг захватила цифра? Не готов? Тогда заткнись и слушай капитана."

Острый ум и избыток свободного времени – страшное сочетание. Грибову стало любопытно, он начал присматриваться ко мне, и теперь пытается впихнуть свои наблюдения в рамки собственного понимания.

Где-нибудь в Штатах решили бы что я сатанист или жертва похищения пришельцами. А тут свои "страшилки". Идеологические. В СССР лучше быть рептилоидом, чем диссидентом. Выкручиваться пора.

– Сергей Игнатич, я вам признаться хочу.

– В чём? – радуется капитан.

– Кажется, я влюбился.

– Так это нормально... В твоём возрасте.

– Я в Марину Викторовну влюбился, – трагически восклицаю, – разве это правильно?! Кто она, и кто я?! Взрослая женщина... Начальница моя...

Сейчас главное не переборщить. Капитан не зря в драмкружке занимается. Хреновую игру может и раскусить.

– В Подосинкину?! – Грибов от неожиданности обжигается чаем.

– С первого взгляда, – киваю.

– Бегом поэтому занялся? – додумывает капитан.

– Впечатление хотел произвести, – вздыхаю, – а потом

втянулся. Вы только Николаю не говорите, он же меня по стенке размажет. Он к ней тоже неровно дышит, вы в курсе?

– Да знаю я, – отмахивается капитан, – всю плешь уже проел мне своей редакторшей. И ты туда же... Вот ведь "фам фаталь"...

– Комсомолка, спортсменка... – подсказываю.

Капитан озадачен. Все его наблюдения прекрасно укладываются в новую схему. При этом в ней нет ничего уголовно наказуемого. На меня он смотрит с опаской, как на душевнобольного. Знает, что такое подростковые чувства. Хотя у него же Степанов под боком...

Самое ценное, что он со мной снова откровенен.

– Ты насчёт политеха уверен?

– Мне товарищ Молчанов сказал, что хороших инженеров в стране много, а хороших фотографов по пальцам пересчитать, – безбожно перевираю слова первого секретаря.

– Товарищ Молчанов... – хмыкает милиционер, – приятно, конечно, когда тебя такой человек поддерживает. Но ты своей головой думать должен.

– Так вы тоже мне советуете...

Капитан морщится, попав в собственную логическую ловушку.

– Я не советую, я предостерегаю, – говорит он, – вокруг редакции, и этой твоей Подосинкиной какая-то ерунда творится. И ты уже влез в неё по самые уши. Туристы из ниоткуда. Кражи, которые никто не хочет раскрывать. Фотокамеры

из прошлого... Доказательств у меня нет. Но если окажется, что ты в этом замешан, тогда не спасёт тебя ни мам, ни золотая медаль, ни любовь твоя белокурая.

– Да я...

– Алик, – говорит капитан с доброй улыбкой Дзержинского, – я пока на твоей стороне. Учти, безнаказанность и влюблённость – плохие союзники. И если ты оступишься, я тебя выручить не смогу.

– Спасибо за чай, товарищ капитан, – отвечаю, – пойду я. Мама волноваться будет.

Разговор с Грибовым оставляет неприятный осадок. Скрытым нищепанцем, сектантом или психопатом он меня больше не считает. Но его последняя фраза до сих пор звучит у меня в голове.

"Я буду присматривать за тобой", – сказал мне капитан. Вот уж не было печали!

Играть в детектива Грибов может сколько угодно. К происшествию в газете он меня не привяжет никаким образом. Официально кражи не было. Дело не заводилось. Разве что пальчиком погрозит и скажет "а-я-яй". Что он, собственно, и делает.

Вот мои невинные манипуляции с книгами уголовно наказуемы. Как там в частушке: "Неужели ж нас посадят... да за такие пустяки?" Юное сердце Алика Ветрова колотится от переполнившего его волнения. А в моём взрослом циничном мозгу вместо страха просыпается злость.

Ерунда, значит, вокруг редакции творится. И каждый раз эта ерунда упирается вовсе не в меня, как решил доморощенный Аниськин, а в товарища Комарова.

Он вечно выставлял Подосинкину крайней. У него лежал странный список студийного оборудования. А теперь оказывается, что он ещё и личный интерес в редакции имеет.

В любой войне главное – ввязаться. Так что я, не смотря на поздний час, заезжаю домой, беру плёнки с лидкиной фотосессией, а затем запираюсь в студии на всю ночь.

Утром сердитый и невыспавшийся стою на перроне и жду электричку до Белоколодецка. Я навьючен как маленькая лошадка. Книжки, а особенно сумка с кассетами жгут мне руки. Объяснить их происхождение я не смогу.

Паранойя во мне цветёт пышным цветом. На станции вглядываюсь в лица ждущих электричку. Опасаюсь увидеть Грибова или Володю Степанова. Естественно, никого не обнаруживаю. Делать ему больше нечего, кроме как за мной следить. До областного центра доезжаю без приключений.

– Ты где это взял? – говорит "книголюб".

Он крутит в руках Саймака. Я вижу, как у него трясутся руки.

– Друг продаёт, – не моргнув глазом говорю, – из домашней библиотеки.

– Двадцать рублей, – выдыхает Сергей

По глазам вижу – предложение плохое. Не умеет филолог торговаться. Голос даёт такого "петуха", что на него обра-

чиваются.

– Тридцать, – предлагаю. – Друг от сердца отрывает.

– Пускай, тридцать, – быстро соглашается "книголюб" и я понимаю, что продешевил.

Ну ничего.

Жестом фокусника достаю ещё три тома и кладу их поверх первого. С каждой новой книгой глаза у бывшего доцента округляются. Сейчас совсем из орбит выпадут.

– Ты же говорил, из домашней библиотеки!?! – книголюб потрясён моим коварством.

– Та из библиотеки, а остальные из магазина, – говорю, – с тебя сто двадцать рублей.

Все книги я, естественно, с собой не беру. Иначе обрушу рынок. Серёжа, увидев что книг несколько, сбил бы цену ниже плинтуса.

Насколько я знаю, книжный дефицит сохранится ещё лет пятнадцать. Так что вкладывать деньги в редкие тома сейчас выгоднее, чем в акции. Тем более что акций всё равно нет.

– Скажи, а те книги, которые я в первый раз принёс, у тебя сохранились?

– Сабатини, да, – отвечает Сергей, – И ещё "Айвенго". Остальные ушли все.

Предлагаю выкупить их обратно. Каждый раз видя свою родительницу, опасаюсь что она зайдёт и обнаружит пустые полки. Да и совесть ёкает. Не надо считать, что её у меня нет.

Книголюб "заряжает" мне цену вдвое выше, чем я за них

выручил. "Грабёж", возмущаюсь я, но он только пожимает плечами. С чего ему прибыль упускать? Но я нахожу на него управу.

– Ахматова в двух томах.

– Ооо! – восхищается книготорговец.

– На обмен, – останавливаю его. – На Сабатини и Вальтера Скотта.

Завершив торговлю, я оказываюсь владельцем фантастической суммы в триста десять рублей. Серёже даже приходится сбегать до сберкассы. Жду его в рюмочной.

Народ за соседними столиками быстро меняется. Чтобы выпить сто граммов под бутерброд с селёдкой много времени не надо. Люди приходят, в основном, культурные. В пиджаках сидят. Некоторые даже с портфелями. Некультурные пьют по лавочкам и по беседкам. По мне скользят равнодушным взглядом.

Серёжа приходит не один. С ним мутный тип с цыганистыми быстрыми глазами. Тот начинает втирать про какие-то фирменные джинсы и ГДР-овские нейлоновые плащи.

– Где деньги, Серёжа? – спрашиваю.

Тот глядит виновато. Мутный тип не затыкается. Говорит, что "фирму" выгоднее взять сейчас, в обмен на книги. Потом можно продать в два раза дороже. А можно носить самому и быть "первым парнем на деревне". Тип произносит "на деревне" и гыгыкает.

Молча встаю. Мутный хватает меня за сумку, удерживает.

Наклоняюсь к нему и резко бью лбом в переносицу. У того закатываются глаза, из носа льётся струйка крови.

– Помогите! – кричу, – человеку плохо!

Вокруг поднимается суета. Из за стойки выскакивает до-родная продавщица, в белом халате серого цвета. Она пытается куда-то звонить. Подхватываю сумки и выхожу.

"Книголюб" догоняет меня на улице.

– Зачем вы так?! – ужасается он, переходя на "вы".

– Ещё раз увижу постороннего, – говорю сквозь зубы, – и наше сотрудничество закончится. Думаешь, мало в городе барыг?

– Я не знал, – оправдывается Серёжа, – это знакомый мой, я у него просто занять хотел. Он вместе пойти предложил...

На этот раз мы просто доходим до сберкассы. Очередь длинная, но я терпеливо жду. Получив деньги, с трудом перебарываю желание свалить из города как можно скорее. У меня остаётся ещё одно дело.

Подхожу к площади с другой стороны. С опаской поглядываю на рюмочную. Ожидаю увидеть "скорую" или ментовской УАЗик, но вроде всё спокойно. Убеждаю себя, что писать на меня заявление никто не будет. "Мутный", будь он жулик или торгаш, привлечёт к себе ненужное внимание. Дребезжащие нервы слегка успокаиваются.

Привычная тройца стоит на прежнем месте. Хиппушка снова босиком. Теперь на ней пёстрая блуза с большим отложным воротником. Она расстёгнута до середины и завя-

зана в узел над пупком. Двое остальных, длинный и коренастый, топчутся поблизости. Из динамика играет "Отель Калифорния".

Вспоминаю, как в пионерлагере пригласил под "Калифорнию" свою первую девочку. Песня была длинной, и у меня от волнения вспотели ладони. Я так смутился, что потом не разговаривал с ней два дня.

Девушка качает головой в такт музыке. Вижу своё отражение в её зеркальных очках. Прядь длинных волос заплетена в косичку. В ней видны разноцветные резиночки.

Подхожу, глядя только на неё. Адреналин после недавней драки ещё бурлит в крови. Ставлю сумку на землю.

– Парни, вы ничего не теряли?

Парни переглядываются и коренастый молча бьёт мне в челюсть.

Глава 6

Всё же Мухомор гоняет меня не зря.

Отшатываюсь. Кулак мажет по скуле. Во рту становится солоно, но на ногах удерживаюсь.

Да что ж вы всё сегодня домахались до меня, суки?!

От нелепости, а главное, несправедливости ситуации у меня срывает чеку. Мысль о том, что устраивать драку в центре города не самая лучшая затея, отступает куда-то далеко в недра сознания. Другими словами, мне пофиг.

Пинком под колена подбиваю коренастому опорную ногу. Он проваливается вперёд, подставляясь под удар. Смачно впечатываю кулак в его физиономию.

Мне бы килограммов десять ещё массы, тогда бы я его срубил. Дохлое тело у Алика. Кушал мало, нагрузки себе не давал.

Но удар проходит хорошо. Парень трясёт башкой, нокаун он получил.

Разрываю дистанцию, контролируя взглядом второго. Они оба старше меня и крепче, но к серьёзной драке не готовы. "Проучить" хотели, уроды.

С чего я так решил? Длинный топчется, не зная, что делать дальше. Я тоже медлю. Врезать ему так, чтобы задержать на месте не получится. Момент упущен.

Дать "по тапкам" тоже такой себе вариант. В незнакомом,

по большому счёту, городе сразу с двоими в догонялки играть. А ещё так я сразу перевожу себя в категорию жертвы, которую поймав будут бить без всяких разговоров. Сбежал – значит, виноват. А у меня тут бизнес, если что. С книжками я сюда мотаюсь. Прятаться мне теперь, что ли?!

– Парни, а вы не охренели? – поднимаю кулаки к лицу в классической боксёрской стойке.

Намекаю им на то, что победа лёгкой не будет.

– Ты чё кассеты спёр, сука?! – выплёвывает он.

Конструктива не предвидится. Жду его, чтобы встретить на контратаке. А затем ходу... Ходу!

Слышу сзади шорох. Девка, вспоминаю я. Сейчас кинется на спину или по голове чем-нибудь врежет, и каюк. От таких мыслей затылку становится холодно.

Девчонка проносится мимо и неожиданно повисает на длинном, обхватывая и прижимая ему руки к бокам.

– Вы дебилы?! – вопит она. – По ментам соскучились?!

– Кэт, ты чего?! – недоумевает длинный, – он же кассеты украл!

Самое время бежать, но с места я не трогаюсь. Любопытство пересиливает.

– Какой украл?! Вот же они – кассеты! – девушка тычет рукой в сумку.

– Катюха, – вступает коренастый. – Но ты сказала...

Шмяк! Как кошка лапой ему прилетает от Кэт по физиономии. Не так больно, как от меня, но гораздо обиднее.

– Алик, – говорю самое уместное, что приходит на ум. – Приятно познакомиться.

– Ты зачем сумку взял, Алик? – Кэт говорит без надрыва, скорее с интересом.

– А лучше, чтоб менты? – спрашиваю. – Они как раз по кустам шарились. Думаешь, вернули бы?

– Альтруист? – девушка приподнимает бровь.

– Музыку люблю, – говорю честно, – жалко стало, что столько добра конфискуют и под бульдозер отправят.

При моих словах о бульдозере их глаза округляются. Не видели они, как контрафакт уничтожают. Может, я лишнего сболтнул. Кто знает, как сейчас с конфискатом поступают. На складе хранят или в торговую сеть возвращают. Я уже мало чему удивлюсь.

– Какая в твоём колхозе музыка? – мстительно заявляет коренастый, – София Ротару или Иосиф Кобзон?

– ВИА "Лейся Песня", – говорю.

– Катюха, да что ты его слушаешь?! – снова заводится он.

– Джон, захлопнись, – женщины суровы к побеждённым.

Она наклоняется к сумке и вытаскивает оттуда кассету. Протягивает мне. Щедро. Я ей кучу товара спас, а она мне "с барского плеча". В том, что руководит всем этим музыкальным предприятием Кэт, я уже не сомневаюсь. Эти двое так – на подхвате.

– Ты сама такое стала бы слушать?

Кэт поворачивает к себе кассету. Там написано "Бони-М".

Ухмыляется.

– А что, весело, – она вдруг делает несколько азартных движений попой, – не любишь диско?

– Мужчины не танцуют, – выдаю ей фразу из следующего тысячелетия.

– Слышал, Джон? – Кэт хихикает и тычет коренастого острым локотком под рёбра. – Вот ты и дотанцевался.

Понимаю, кого мне напоминает своим видом коренастый. Траволту из "Лихорадки субботнего вечера". Вряд ли в Союзе видели этот фильм. Крутить видеокассеты пока не на чём, а в кинотеатрах такое вряд ли показывали. Но какие-нибудь журналы, купленные советскими моряками, гуляют по рукам. А в них и идеологически чуждые кумиры.

У девушки прекрасное настроение. Ещё бы, товар вернулся, который она похоронить и оплакать успела.

– А что слушаешь? – осматривает она меня.

Видок у меня не очень. Шмотки разом выдают и скромное финансовое положение, и принадлежность к презираемому сообществу "ботанов". "Колхозник", то есть провинциал, тоже по каким-то признакам угадывается.

Приходит мысль вложиться, наконец, в "фирму". Встречают всегда по одежке. Думаете, адвокаты свои кабинеты обставляют с пошлой роскошью, потому что пафосные говнюки? Ни один человек не доверит свою жизнь человеку, который с собственной справится не способен. Ну разве что, если совсем припрёт.

Так и фотограф должен быть в "тренде", не выбиваться из общего потока и своим видом демонстрировать успех. Когда придёт слава, можно позволить себе любые закидоны. Одеваться с помойки, отращивать бороду до колен или ночевать на лавочке в парке. А до этого будь любезен вызывать у клиентов доверие. Иначе слава испугается и пройдёт мимо.

– Из этого, – киваю на сумку, – Моррисон и "Роллинги". А вообще, я бы у тебя сборничек попросил записать... Если не зажмотишься.

Вижу, что девушка раздумывает. Сборник записывать надо, время тратить. Стоит ли её благодарность таких усилий? С другой стороны, есть повод продолжить знакомство. Девушки любят интриги и тайны. А я как романтический герой, и дерусь, и бизнес спасаю...

– А там, глядишь, и постоянным покупателем стану, – подталкиваю её мысль в правильном направлении.

– Откуда у тебя башли, колхозник?! – Джону я, определённо, не нравлюсь.

– Я, кажись, видел его, – встречается более осторожный долговязый, – он с книжниками вертелся.

Кивком подтверждаю его мысли.

– Пойдём, – решается Кэт.

– А торговля? – возражает Джон.

– Твоим фейсом только торговать, – глумится над парнем она, – пошли, хоть лёд приложу.

– Ты чё, боксёр? – спрашивает Джон, пока лифт медленно считает этажи.

Под правым глазом у него расплывается бланш. Глаз заплывает и становится узкой щёлочкой. Отёк наливается глубокой лиловой синевой, похожей на грозовую тучу.

– Неа, – безмятежно пожимаю плечами, – фотограф.

Кэт разворачивается и смотрит оценивающе. Чувствую, как в тесном лифте к моей ноге прижимается её бедро. Люблю свою профессию.

– В смысле – фотик дома есть? – уточняет она.

– В смысле – работа такая.

Идти оказалось недалеко. До высокой двенадцатиэтажной свечки с единственным подъездом. Таких новостроек поставили восемь штук, вдоль всего проспекта Революции, и случайные люди здесь квартиры не получали. Кто-то у нас – из мажоров.

Лифт останавливается на последнем этаже. В данном случае это престижно. Почти пентхаус, весь город отсюда как на ладони.

Из-под фанерной, в прямом смысле слова, двери сочится дым. Сама дверь приоткрыта, но Кэт по этому поводу не переживает. Внутри топор можно вешать. Принимаю к дыму и с облегчением не чувствую сладковатого запаха "горе-

лых тряпок". Не хотелось бы по глупости "присесть за компанию".

В большой комнате куча бородатых и волосатых личностей обоего пола пытаются переорать друг друга и стоны Дженис Джоплин. В руках у них сигареты и стаканы с чем-то розовым. Успеваю заметить пёстрые драпировки на мебели в цыганском стиле, сейчас бы его назвали "бохо", и мольберт в углу.

Долговязый пытается быть любезным и выкрикивает приветствие. Кто-то отделяется кивками и взмахами рук, большинство нас просто не замечает.

Кэт равнодушно проходит дальше по коридору и толкает вторую дверь. Ходят здесь "по-европейски", то есть не разуваясь. То, что в Европе при таком стиле жизни от паркинга до гаража на автомобилях ездят, а тротуары перед домом с шампунем моют, здешним обитателям неинтересно. Так что чистота пола соответствующая. Богема.

За второй дверью узкая длинная комната. Всё свободное пространство забито картонными коробками и аппаратурой. Она здесь серьёзная.

Величественно крутят катушки два бобинника "Союз", рядом в стойке установлены сразу пять кассетников. "Вилма", читаю название. Здоровенные, массивные. Сразу видно, что дорогушие.

Из мебели только потёртая старая софа вдоль одной из стен и сильно подранное крутящееся кожаное кресло. В нём

сидит лохматый субъект с буйной кустистой бородой в оранжевых наушниках-ракушках. Он медитативно качает головой, что-то подкручивая время от времени на небольшом микшерном пульте.

Кэт чмокает его в макушку. Субъект подпрыгивает от неожиданности.

– Нельзя так пугать, – заявляет он.

– Ты тут совсем одичаешь, – говорит Кэт, – людей он боится. Познакомься, это Алик.

– Мишаня, – тянет мне ладонь бородатый.

Его глаза за стёклами толстых очков кажутся очень добрыми. Такое почему-то случается с близорукими людьми. Иное расположение зрачка, что ли. Такое чувство, что они любят весь мир. А на самом деле не видят ни хрена.

– Почему не Майк? – удивляюсь.

Коренастый Джон недовольно морщится, словно очередной мой камень прилетел именно в его огород.

– А нахрена? – пожимает плечами бородатый.

– Мишаня у нас "цивил", – смеётся Кэт, – клубный работник и подпольный дискотетчик.

– Бывший клубный работник – поправляет Мишаня, – видал я в гробу всю эту колхозную самодеятельность.

– Вот вам есть о чём поговорить... – тут же влезает Джон.

– Ты в районе работал? – тут же спрашиваю я.

– Ага...в..... Жопа мира.

Надо же, не то, чтобы по соседству, но и недалеко.

– Не рассказывай, – говорю, – я с Берёзова.

– Сосед! – Мишаня хлопает меня по плечу.

Контакт установлен, я в этой компании почти свой.

– Надо Алексу сборник записать, – говорит Кэт.

Бородатый смотрит на счётчик у бобинника, с которого сигнал идёт сразу на пять источников. Да у них тут почти фабричное производство. Денег вложено дохрена. Не удивлюсь, если на эту технику "Жигули" купить можно.

– Минут десять осталось, – говорит Мишаня. – А что записывать? Диско? Или "Ритмы Советской эстрады"?

– Вот, я накидал на бумажке, – протягиваю сложенный тетрадный лист, на котором я заранее изложил все свои хотелки. – У вас всё это есть, я уточнил.

– Кэт? – Мишаня умоляюще смотрит на босса, – это ведь каждую отдельно искать... это время займёт...

– Не бухти, – говорит девушка, – он наш товар спас. Надо отблагодарить. – Она берёт листок в руки и говорит, – заодно мастер-копию сделаешь и будешь ещё один сборник писать. Толково всё подобрано... сечёшь.

– Тебе на какую кассету писать? – спрашивает Мишаня.

– В смысле? – не понимаю его.

– На "фирму" или на простую? – он вытаскивает две коробочки. В одной никогда не виданная мне кассета AGFA, в другой слегка знакомый Maxell.

– Ого что у вас есть!

Они действительно сумели меня удивить. Я про такие кас-

сети слышал только в 90-е. Но толком их не застал, сразу окунулся в эпоху компакт-дисков и MP3.

– За "фирму" доплатить придётся, – говорит Кэт, – так далеко моя благодарность не распространяется.

– Сколько?

– Двадцатка, – улыбается Кэт, – тебе как родному, по за-купочной.

Врёт конечно.

– У отечественных, плёнка, как наждак, – добавляет Мишаня, – если техника приличная, то головку сотрёт нахрен.

Деньги жгут карман. Понимаю, что проживу прекрасно без импортных кассет. Но понты из будущего, помноженные на подростковый гормональный фон дают гремучую смесь.

Тем более что есть смысл "завязаться", установить контакт с этой тусовкой, достающей вещи, которых у других нет. В такой среде нищобродов не любят. Покажешь себя таким – потеряют интерес. Торгашам всегда нравится слегка кутить и рисоваться. Это как система опознания "свой-чужой".

– Лады, – говорю, – давай на "фирме".

– Бабульки вперёд, – протягивает руку Мишаня, – Процесс обратного хода не имеет, плёнка затрётся... не возьмёшь, куда я его потом дену?

Блин, у меня даже бумажника нормального нет. Так и таскаю в кармане. Достая оттуда купюры, сложенные в "котлетку" и перехваченные резиночкой. Она худенькая, триста с небольшим рублей. Но для советского времени деньги очень

солидные. Как минимум пара месячных средних зарплат. Вытаскиваю полтинник и отдаю Мишане.

– Тогда давай две! – говорю, – на вторую "Роллингов" запишешь. С тебя червонец!

– Вот ты жучара! – хохочет Кэт.

– Если халява прёт, зачем отказываться? – подмигиваю ей, – тем более по закупочной цене. А из фотооборудования через вас можно что-то импортное найти.

– Попробовать можно, – морщит лобик Кэт, – но это дело небыстрое. Лучше джинсы возьми, а то ходишь как обсос.

Она вскакивает с софы и крутится передо мной, покачивая худой аккуратной попой.

– Нравится? – говорит.

Джон злится. Между этими двоими присутствует какой-то магнетизм, причём трясёт в результате одного парня. Длинный одобрительно смеётся. Мишане пофиг, он копается в стойке с коробками. Подбирает исходники для сборника.

– Нравится, – отвечаю. – Но не джинсы.

Она разворачивается и ерошит рукой мне волосы. Джон психанув, выходит.

– А ты правда фотограф? – спрашивает Кэт.

Вытаскиваю из кармана серую картонную книжечку. Это не удостоверение даже – пропуск в редакцию. Совершенно ненужный, поскольку никакого вахтера в газете нет, но безотказно действующий в стране, где "без бумажки ты букашка...".

"... фотокорреспондент... газета "Вперёд"... " – читает девушка.

Надпись "стажер" я старательно заляпал чернилами, как будто печать расплылась. Подосинкина ругалась, конечно. Но "корочку" менять не стала, они подотчётные.

– Ты Димку Плотвичкина знаешь? – поворачивается к нам Мишаня.

– А кто это?

– Фотограф у вас в газете, – удивляется Мишаня.

– Димана, что ли?! – делаю большие глаза, – конечно знаю, только фамилию его забыл. Меня на его место взяли.

Естественно, никого я не знаю. Но получить информацию о своем бывшем коллеге очень любопытно.

– Куда он? – интересуется бородатый.

– Не знаю... пропал с радаров, – говорю, – у тебя хотел спросить.

– Так я его два года назад и видел, – объясняет бывший клубный работник, – наши к вам с концертом приезжали. Мы тогда с Димкой и с главным вашим душевно посидели, так что я на следующее утро уехать не смог. Укачивало в автобусе, – он с улыбкой качает головой своим воспоминаниям. – Мордатый такой...

– Ивахнюк, – подсказываю.

– Точно... "хнюк"...помню, а что за дерево перед этим – нет.

– Мальчики, я вам не мешаю?! – влезает Кэт.

Мишаня тут же утыкается носом в записи. Девушка притаскивает стопку журналов. Бесплатная хрень из тех, что валяются на столах в отелях или на стойках у кассы супермаркетов. Внутри сплошные рекламные постеры с редким краплением заказных статей.

– Дорогие? – интересуюсь.

– Сто рублей!

Мечты о красивой жизни стоят дорого.

Кока-кола, тачки, девушки, ковбои, сигареты, девушки, клёши, диско и снова девушки.

В джинсах, в юбках, в купальниках, в форме стюардесс, на роликах, и даже в скафандре астронавта.

– Вот так сможешь? – спрашивает Кэт? – а вот так? – она листает страницы, – и вот так?

– А у тебя яхта есть?

На фото две упитанных американки в купальниках в белый горох болтают ножками на корме океанской яхты.

– У знакомого есть, – кивает, – только поменьше, конечно.

На водохранилище в яхтклубе.

Запись сборников оказывается долгой. Я и забыл, что всё действие происходит не просто в реальном времени. На запись часового сборника с учётом поиска композиций уходит почти полтора часа.

От нечего делать я складываю пальцы в "магический квадрат". Как говорится "вы вошли в кадр, и я увидел: передо мной звезда". Кэт тут же начинает позировать. Кажется, это

у девушек в крови, как у котят гоняться за бантиком.

Встаю, с трудом помещаясь среди коробок. Королева подпольной звукозаписи вальяжно раскидывается на софе, стогняя остальных. Дурачимся. Я подаю команды: поправить волосы или приподнять руку.

Джон притаскивает из гостиной Агдам и стаканы. Я отказываюсь. Не хватало напиться в чужой хате и в мутной компании.

– Спортсмен? – пытается подначивать Джон.

– Забыл, что ли? – показываю ему кулак.

Кэт хохочет и неожиданно тоже отказывается от алкоголя. Зато коренастый пьёт за троих. Прикончив бутылку на пару с долговязым, который так и не представился, Джон уходит в коридор. Слышно, как он сначала бубнит, потом ругается, а потом снова бубнит с кем-то по телефону.

– Ты выставлешься? – спрашивает Кэт.

Сперва не понимаю, о чём идёт речь.

– Где?

– В стекляшке.

"Стекляшка" – это областной выставочный зал. Одноэтажное здание со сплошными панорамными окнами. Раньше там выставляли местных художников, потом торговали бижутерией и, наконец, открыли на грант очередной бесполезный музей "не-пойми-чего". Сейчас это здание переживает молодость и, видать, популярно.

– А разве фотографов выставляют? – спрашиваю.

– Конечно, – удивляется девушка, – только конкурс большой... людей знать надо.

Могла бы и не объяснять. Людей везде надо знать. Каким бы талантливым ты не был, без связей останешься со своим талантом в родном Мухосранске. Ну, или в Берёзове.

– Выставляешься? – догадываюсь я.

– Если пройду, – сжимает кулачки Кэт.

– Пройдёшь, – с пьяной вальяжностью заявляет Джон, – с твоим то... ааай!.. да чего я сказал-то?!

Хрясь! Острый кулачок бьёт его по плечу. Конечно, обидно, когда считают, что тебя везде кто-то двигает. Может, оно так и есть. Но зачем девушку расстраивать?

– Мне бежать надо! – подсказываю, глядя на время, – у меня электричка скоро...

– "... опять от меня сбежала... последняя э-лек-тричкааа..." – напевает долговязый.

– Давай, ты "Роллингов" в следующий раз заберёшь? – предлагает Кэт.

Она берёт с ящика полтинник и протягивает мне. Лезу в карман за сдачей.

– Перестань, – говорит, – ты нас выручил тогда. Если б их нашли, меня бы "свинтили".

А "винтиться" ей совсем не с руки. Не знаю, кто у Кэт родственники, но они явно не простые люди.

– Спасибо, – отвечаю.

Я не дурак от денег отказываться.

– Лучше шмотки себе купи, – Кэт словно стыдно, что она дала слабину, – ходишь, как пенс.

– Как кто?

– Как пенсионер, дярёвня, – она снова ерошит мне лоб.

На этом романтическом моменте мы прощаемся. Джон неожиданно подрывается вместе со мной. Войдя в лифт, я уже сжимаю кулаки. В замкнутом пространстве главное – ударить первым.

Но коренастый на удивление дружелюбен.

– На вокзал тебе? – спрашивает он.

– Угу.

Мы выходим как раз, когда к дому подруливает вишнёвая Лада – "трёшка".

Джон направляется к ней, а навстречу ему вылезает ослепительно красивая девушка. Таких я здесь ещё не видел. Блондинка с длинными "шведскими" волосами и широко распахнутыми наивными глазами. Да ещё к тому же в мини-юбке. Впору глаза протереть.

– Эй, фотограф! – машет рукой Джон. – Тебя подбросить?! Меня и так тянет к этому "чудному видению", как магнитом, а тут ещё приглашают.

– До вокзала можно? – спрашиваю.

– Ириш, подбросишь? – уточняет Джон.

– Я не спешу, – Ирина лучезарно улыбается, словно из-за туч выходит солнце.

Сажусь на заднее сиденье. Жигули резво набирают ход.

Блондинка ведёт машину аккуратно, но уверенно. Из радиолы бубнит "Маяк".

– Покрути, может, музыку найдёшь? – предлагает Ирина. Джон поворачивает какие-то настройки.

"...гремит февральская вьюгааа", – вырывается из динамиков.

Чувствую себя героем одного из фильмов Гайдая. И это скверно. Его комедии были смешными для зрителей, а не для героев. Тем, как раз доставалось по полный. Может, у меня интуиция, так странным образом, работает?

На одном из поворотов Ирина притормаживает, и Джон выскакивает. Мы остаёмся в машине вдвоём.

– Тебе же на вокзал? – уточняет Ирина.

– Туда, – говорю, – мне нужно успеть...

Едва успеваю произнести фразу, чтобы хоть как-то завязать разговор, как Ирина сама поворачивается ко мне. Меня обдаёт ароматом духов. Совершенно точно – французских.

– Успеем, – мило улыбается, она, – только мне домой на пару минут заскочить надо. Тут по дороге. Ты не против?

Глава 7

– Не опоздаем? – выдавливаю из себя.

Моё сознание твердит "нахер тебе это надо?", но резкий выплеск гормонов орёт противоположное. "Какая девушка... Не девушка... Мечта!". Тянет Алика на яркую обёртку. Та же Лиза его не трепетной душой взяла. В общем, мои способности к сопротивлению сильно ограничены.

– Тут рядом совсем, – не дожидаясь моего согласия, Ирина поворачивает руль.

Лада сыто взрывается двигателем. Мы закатываемся в тихий зелёный дворик. Проезжаем между хрущёвками с цветущими палисадниками под окнами.

На большой асфальтированной площадке пацаны гоняют мяч.

Я смотрю на что угодно, лишь бы не на Ириныны ноги в красных босоножках, которые жмут на педали.

Пацаны прерывают игру. Провожают взглядами нашу машину. Если я правильно понимаю, это по нынешним реалиям, практически как мой Порш в прежней жизни.

В мире потребительства совершенно неважно, сколько стоит вещь. Главное, что ты можешь себе её позволить, а другие нет.

"Откуда у приятельницы Джона такая машина?" – снова вылезает вопрос. Хотя, может, не её... или покататься да-

ли... или она дочка какой-нибудь большой шишки в местной иерархии. Причём не обязательно партийной. Может у неё папа – главный психиатр городской. А я на неё напраслину думаю.

Кэт тоже не из простых советских тружеников. Фарцуня, квартиру в это время не купишь, тем более в престижной новостройке. Да и про "волосатую руку", которая помогает босоногой хиппарке, я тоже запомнил. Я столкнулся с местной "золотой молодёжью", пусть и зацепил самым краем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.